

Алексей Борисов

Гостя из прошлого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Борисов
Гостя из прошлого

«Автор»

2024

Борисов А.

Гостя из прошлого / А. Борисов — «Автор», 2024

Сборник составлен из произведений разных лет. Одни были написаны на злобу дня, в других подняты более основательные темы. В рассказах есть своя «изюминка» в виде порой неожиданной развязки, фельетоны дают повод улыбнуться или рассмеяться от души. От жесткого реализма автор переходит к фантастическим сюжетам и элементам сказки. А главный вывод прост: человек сам кузнец своего счастья, здесь его не заменит даже золотая рыбка... Эта истина подтвердилась во время пандемийной паники, обуявшей чуть ли не весь земной шар, подтверждается и в наши тревожные дни.

© Борисов А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Из современного	6
Место силы	20
Социальный статус	24
Воин света	28
Лицемеры	31
Руки прочь!	33
Домик золотой рыбки	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей Борисов

Гостя из прошлого

Читателям – от автора

Существует мнение, что нет ничего легче малых форм. Дескать, накидал по-быстрому несколько страничек и прославился. Если прославиться не удалось, то хотя бы сэкономил драгоценные силы и время, можно смело переходить к следующему творению.

Лично я творил и быстро, и не очень, но то, что накопилось, рассматривал придирчиво. Вышло своего рода избранное. Читая, можно примерно понять, чем жили и дышали вместе со страной и отдельно от нее. Или представить, чем могли бы дышать.

Даты я поставил под совсем уж давнишними произведениями во второй части книжки. Когда были написаны остальные, как правило, ясно из текста. Если ясно не везде, торжественно обещаю исправиться при подготовке полного собрания сочинений.

Название сборнику дал один из рассказов про обычных людей, которые оказываются в невероятных обстоятельствах. От предстоящего выбора зависит их судьба...

Добро пожаловать в миры моих героев!

P.S. Жизнь тем временем продолжалась, и за минувший год к списку моих рассказов добавилось еще несколько наименований. Я подумал и понял, что до следующего сборника дело дойдет нескоро, если дойдет вообще. А заставлять читателей ждать неизвестно сколько времени было бы невежливо. Так что эти рассказы теперь тоже здесь.

22 февраля 2025 года

Из современного Идеальный друг

После четвертого или пятого звонка в дверь Юра оторвал голову от подушки. Сквозь тонкую штору светило солнце, поднявшееся на изрядную высоту, через балкон доносилось чириканье воробьев среди листвы стоявшего рядом тополя. Кажется, было уже довольно позднее утро. Со стороны прихожей раздалась еще одна трель, дольше предыдущих.

- Иду я, иду, - пробормотал Юра, откидывая пододеяльник.

Он лег спать поздно, часов около трех. Причина была, на его взгляд, вполне уважительной. На днях с ним ненадолго поделились романом одного из столпов современной американской фантастики, пока не переведенным на русский язык. Бывший одноклассник, ныне лаборант НИИ радиосвязи, помог бесплатно сделать ксерокопию, и теперь Юра наслаждался чтением, периодически сверяясь со словарем.

Во входную дверь позвонили снова, потом громко постучали.

- Минуту! - крикнул Юра, хватая со стула домашние штаны и растянутую футболку.

Мама с папой, конечно, давно ушли на работу: понедельник всё-таки. Сестра Инга была в своем пионерском лагере на педагогической практике. Кот Барсик, серый в темную полоску, с упоением тянулся и кувырчался посреди прихожей, и любимый хозяин едва не наступил ему на хвост, босиком шлепая по линолеуму.

- Я подумал, ты скрылся, - без всякого приветствия выдал через порог Алексей Иванович.

- От кого?

- Не в курсе, что ли?

- В курсе чего?

Алексей пристально посмотрел на Юру и понял, что тот говорит чистую правду.

- Может,пустишь?

- Да, конечно, - спохватился его друг, делая шаг назад.

Юра познакомился с Алексеем без малого четыре года назад, явившись первого сентября на сбор будущих филологов. Им отвели площадку в дальнем углу сквера справа от главного корпуса университета. В ожидании краткой церемонии с напутственным словом ректора те, кто знали друг друга, образовали отдельные группки, активно болтали и дурачились. Ребята, с которыми Юра сдавал устные экзамены, а после зачисления таскал кровати и тумбочки, наводя порядок в общежитии факультета, опаздывали. Поэтому он молча пристроился с краю толпы и решил пока понаблюдать. То была его обычная манера поведения в новом для себя обществе.

- Не у каждого писателя столько читателей, - услышал он чей-то голос за своим плечом.

Обернувшись, Юра увидел молодого человека запоминающейся наружности. Высокий, не ниже метра восьмидесяти пяти, подтянутый и стройный, с тонкими бровями, легким пушком над верхней губой и густой шапкой прямых светло-русых волос, тот глядел на него широко открытыми васильковыми глазами. Нижняя губа была чуть поджата, в глазах играла легкая насмешка. Молодой человек был одет в светло-коричневый, по фигуре, костюм-тройку и белую сорочку с однотонным серым галстуком. Юра в легкомысленной клетчатой рубашке, ветровке и джинсах ощутил себя на его фоне простым парнем со двора.

- Филологи – это ведь профессиональные читатели, верно? - добавил он, не дождавшись ответной реплики от Юры. - Очень приятно. Алексей.

Назвать его по-свойски Лёшей тогда и язык не повернулся бы.

- Э-э... Юра. То есть, Юрий.

Неожиданный знакомый рассмеялся, но не обидно, а по-доброму.

- Соблюли протокол.

Выяснилось, что Алексей как золотой медалист сдавал только один экзамен – писал сочинение вместе с двумя сотнями других абитуриентов, а обязательные для первокурсников работы отбыл в университетской библиотеке, упорядочивая каталоги. Поступление для Юры, вообще, проходило в каком-то угаре, который усугубила дикая жара, и ничего удивительного не было в том, что за всеми переживаниями он не выделил Иванникова из массы впервые увиденных людей...

- По обоим каналам «Лебединое озеро» показывают, - очень серьезно сказал Алексей, пройдя в комнату.

В левой руке у него была картонная папка с надписью «Дело №...», туго набитая какими-то бумагами. Стандартных завязок на ней еле хватило для узла бантиком.

- Авария на телецентре? - предположил Юра.

- Переворот, - ответил Алексей.

Юре почудилось, что он ослышался или до сих пор видит сон.

- Дикторы зачитали обращение. Обязанности президента исполняет Янаев, власть передана комитету по чрезвычайному положению, - в нескольких словах описал обстановку незванный гость.

Юра, сколько себя помнил, всегда комплексовал из-за внешности. В детском саду и младших классах ему казалось, что у него слишком большие уши. Позднее стала беспокоить избыточная, по его мнению, худоба. Она никак не хотела проходить несмотря на волчий аппетит. Кроме того, оставлял желать лучшего нос. Был он мелковатым в сравнении с остальным лицом и совсем не благородной формы. Цвет собственных глаз Юре тоже не нравился – то ли серый, то ли светло-зеленый. Короче, муть.

У Алексея, в отличие от него, всё было идеально. Будучи первым красавцем на курсе, он и держался соответственно – не оставляя ни тени сомнения в том, что знает себе цену. К вводным словам и междометиям не прибегал, изъясняясь четко и уверенно, аргументировал, будто гвозди заколачивал (Юра тщетно завидовал такой манере). Смутить его, казалось, было невозможно. Ярчайшее подтверждение этого факта случилось в самом начале второго семестра, на комсомольском собрании группы.

О том, что собрание состоится, Юра узнал минут за десять до его начала, во время большого перерыва. Стоя в коридоре, он жевал пирожок с повидлом, купленный с лотка в фойе первого этажа. Традиционный перекус прервала Людмила Сергеевна Кирпичева, куратор группы. Вечно куда-то спешившая невысокая, худая женщина лет сорока или чуть старше, с хмурым лицом и собранными в пучок волосами, в одежде предпочитавшая темные тона и отсутствие украшений, она без затей взяла Юру за рукав и отвела подальше.

- Ты с Иванниковым в каких отношениях? - спросила она в лоб.

К тому времени Юра и Алексей успели крепко сдружиться. У них быстро нашлось много тем для разговора, и стиль общения Иванникова ничуть не отталкивал Юру. Он по умолчанию принял роль второго номера при новом товарище, ни разу не претендуя на хотя бы подобие лидерства. Чего греха таить, Юра всегда мечтал быть кем-то вроде Алексея – человеком без изъянов и слабых мест. Другое дело, что реальность сильно расходилась с мечтами. Впрочем, видимая разница потенциалов не помешала обоим сдать первую сессию на все пятерки.

- Ну, так... приятели, - аккуратно ответил Юра, нутром почуввав подвох.

- Приятели? Хорошо, - кивнула Кирпичева. - Имей в виду: не наш он человек.

- Как не наш?

От подобного определения Юра малость оторопел. На дворе был февраль восемьдесят восьмого, а не, допустим, пятидесятого. Конечно, Людмила Сергеевна не произнесла приснопамятного «классовый враг», но подтекст выпирал совершенно недвусмысленный.

- Ты умный, сам всё знаешь, - заметила куратор группы. - Тебе лучше от него отмежеваться.

Юра понял, что краснеет от волнения. Здесь он тоже, к явному прискорбию, проигрывал невозмутимому Алексею.

- Не понимаю вас, Людмила Сергеевна, - выдавил он из себя, борясь с пересохшим горлом.

Кирпичева метнула на него странный взгляд, в котором Юра уловил, как ни странно, тень сочувствия, и, ни слова больше не говоря, устремилась к аудитории. То, что разыгралось после перерыва, окончательно шокировало своей нелепостью в сочетании с тупой серьезностью.

- К сожалению, наши комсомольцы Иванников и Зуев игнорируют общественную работу. Они считают, что для получения повышенной стипендии достаточно учиться на «пять», - после краткой преамбулы объявила Вероника Янченко, комсорг группы.

Веронику, по правде говоря, Алексей презирал и особо не скрывал этого. Училась она на четверки с тройками примерно в равной пропорции, зато рисовала стенгазету и была одним из организаторов театрализованного представления первокурсников. Иванников регулярно отпускал в ее адрес подколки с прибаутками, самой ходовой из которых была «Как поживает выездная редакция?»

- Я предлагаю обсудить их поведение и дать возможность каждому выразить свое отношение, - Вероника поправила очки в толстой роговой оправе, делавшие ее некрасивое лицо еще некрасивее, и села обратно за стол, на практических занятиях занимаемый преподавателями.

Людмила Сергеевна выбрала позицию в самом конце того ряда, который был ближе к выходу. Она сосредоточенно писала что-то в блокноте, не поднимая голову.

- Мы все, конечно, уважаем Алексея и Юрия за их труд, - своим тонким голосом подхватила пухленькая, в веснушках, Юля Морозова, неразлучная спутница Вероники, соавтор стенгазеты. - Но комсомолец – это более широкое понятие, это активная жизненная позиция...

- Перестройка обязывает нас не быть равнодушными, жить жизнью коллектива, участвовать в деятельности комсомольской организации. Партии нужны наши молодые голоса, наши силы! - продолжила Рита Дубинина, собиравшая профсоюзные взносы.

Иной общественной деятельности Юра за ней не смог припомнить, как ни старался. За Ритой выступил еще один оратор, потом еще. В группе, как и на курсе в целом, преобладали девушки. Кое-кто из них с первого дня откровенно поглядывал на Алексея, но ни одна не обрела взаимности. Данное обстоятельство, как Юра догадался впоследствии, тоже имело значение в истории со стипендией.

Обличительный пафос нарастал. Кирпичева только раз отвлеклась от блокнота и пристально посмотрела на Юру. «Давай, выступи и ты», - прочел он в ее глазах. Алексей, который сидел за одним столом с другом, не отрывал глаз от штукатурки на стене у доски. Он, не останавливаясь, тер пальцами то ли брелок, то ли нечто похожее на него (точнее Юра не мог разобрать). Лицо, в отличие от рук, было неподвижным и не меняло цвет. Только глаза как-то подозрительно блестели.

- Мы живем в эпоху перестройки... - опять раздалось в тесноватой и душноватой аудитории.

- Хватит! - сказал Алексей таким тоном, что Слава Еремеев, еще один член комсомольского актива, осекся на полуслове.

Сделалось тихо настолько, что все услышали бы пролетающую муху. Но в феврале мухи не летали.

- Вам не надоело нести чушь? - спросил Иванников и сам дал ответ. - Вы из какого мезозоя вылезли? Газеты почитайте, журналы. Комсомол – это что, по-вашему, карательный орган? Опять загоним всех к счастью? Учиться – главная обязанность студента, а с рисунками и плясками каждый сам как-нибудь разберется, нужны они ему или нет. Здесь не художественная самодеятельность.

Кирпичева отложила блокнот и рассматривала Алексея, как решил Юра, прямо с удовлетворением. «Он прав абсолютно», - подумал Юра. Мысль о том, что надо бы встать и поддержать, посетила его в следующий же миг и... осталась мыслью. От Алексея незримой волной исходила готовность сражаться и бросить вызов хоть всему миру, но у его товарища такой готовности не было. Язык у Юры снова будто прилип к гортани.

- Давайте уважать собрание, - опомнившись, начала Вероника.

- Я не вижу собрания. Это балаган и примитивное сведение счетов, - отрезал Алексей.

Группа хором выдохнула и загудела на разные голоса.

- Иванников, только вы шагаете в ногу, а все остальные не в ногу? - подчеркнуто спокойно спросила Кирпичева.

- Мы не на плацу, Людмила Сергеевна, - с холодной вежливостью парировал главный обвиняемый.

Куратор задумчиво кивнула чему-то своему.

- Может, Зуев что-нибудь добавит? - спохватилась Янченко. - Он молчит постоянно.

- Собственно, всё уже сказано, - не вставая, через силу проговорил Юра, и лишь затем до него дошло, что эту реплику можно толковать двояко.

Скандал докатился до вузовского комитета комсомола. Эпоха оказалась, действительно, не та, чтобы Алексея поперли отовсюду и передали для опытов компетентным органам. Ограничились символическими мерами воздействия. Друзей лишили десятирублевой прибавки к стипендии, также попеняв лично Иванникову на неподобающее поведение. Комсоргу Янченко указали на то, что воспитательная работа в группе запущена. Куратору, как говорили, попало по своей линии.

- Она с моим отцом знакома, - гораздо позже обмолвился Алексей.

- То есть? - не понял Юра.

Отец Алексея преподавал на математическом факультете и часто заседал в приемной комиссии вуза. Пару лет назад Кирпичева, выполняя в свою очередь чью-то деликатную просьбу, попросила его проявить снисхождение к одному абитуриенту. Встретила принципиальный отказ и запомнила этот эпизод. До поры, до времени.

- Слушай, ты перегибаешь насчет переворота, - не совсем твердо сказал Юра.

- И как это называть, по-твоему?

- Наверху сегодня ссорятся, завтра мирятся. Впервые, что ли? Вспомни, какие митинги в Москве были. Ельцин отставки Горбачева требовал, а потом передумал.

- Сейчас их обоих снесут, - возразил Алексей.

В политике он был более сведущ, Юра это признавал. То злополучное собрание, как ни странно, побудило его друга к общественной активности, но другого рода. После первого курса Алексей сблизился с неформалами. Этим словом именовали всех, кто норовил проявить себя вне официальных рамок – от филателистов и кришнаитов до антисемитов из общества «Память». Иванников проявил интерес к независимым литераторам, в соответствии с профилем обучения. Писателем или поэтом он не стал, оставшись профессиональным читателем, зато включился в организацию процесса. Литераторы создали свой клуб, впоследствии переименованный в альянс, и Алексея избрали его ответственным секретарем.

На одно из мероприятий альянса он затащил и Юру, которому тамошняя публика показалась странноватой, хотя не без способностей. Со сцены малого зала Дома актера одни декла-

мировали свои стихи, другие зачитывали отрывки из прозы. Алексей, как выяснилось, пробил аренду помещения, а также хлопотал об издании сборника. Среди независимых литераторов он однозначно завоевал авторитет, ответственному секретарю внимали даже те, кто по возрасту годились ему в родители. В очередной раз Юра убедился в способности друга оказывать не по годам мощное воздействие на окружающих.

От имени альянса Алексей даже несколько раз побывал в командировках, посетил Киев, Вильнюс и Ригу. Там, по его словам, удалось завязать кучу полезных знакомств. Ради своей кипучей деятельности он всё чаще пропускал лекции с семинарами, что закономерно отразилось на содержимом зачетки, однако бывшего золотого медалиста это ничуть не напрягало. Несостоявшуюся повышенную стипендию Иванников если и вспоминал, то исключительно со смехом. Комсомол его персоной больше не интересовался, ибо в стране тотально восторжествовало правило «Что не запрещено, то разрешено».

А потом настало время свободных выборов. Разгул страстей не особенно тронул Юру. Отчасти потому, что он продолжал считать своей важнейшей обязанностью учебу, отчасти в силу его характера: крикливых манер с истериками в чем бы то ни было исполнении Юра не переносил. Криков же хватало с лихвой. Чего стоило одно выдвижение кандидатов в депутаты российского парламента!

- Достал пригласительный специально для тебя, - сообщил Алексей, когда агитировать за демократическую оппозицию приехал один из радикальных вождей всесоюзного масштаба.

Под встречу со столичной знаменитостью был зарезервирован ДК имени Карла Либкнехта – в народе «Карлик». Ожидался аншлаг.

- Отдай кому-нибудь, - махнул рукой Юра.

- Э-э, нет. Надо приобщать тебя к борьбе, - натурально по-ленински прищурился Алексей.

- Ты же за творчество, а не за борьбу.

- Поборем гидру коммунизма и займемся творчеством.

Подобная откровенность в провинции еще многих шокировала, но, по рассказам Алексея, в национальных республиках давно стала нормой. Юру больше интересовала тема его собственной курсовой работы, которую он формулировал с прицелом на диплом. Литература девятнадцатого века была далека от перестроечных баталий, к тому же у Юры именно в те дни появилось новое увлечение в виде переводных и еще не переведенных произведений в жанре фантастики и фэнтези. Хотя обижать друга отказом ему было неловко.

- Я немного с тобой посижу, а там видно будет, - предложил он компромиссный вариант.

- Посиди, не соскучишься, - интригуяще сказал Алексей.

В главный зал «Карлика», где обычно выступали вокально-инструментальные ансамбли или гастролирующие сатирики-юмористы, набилось человек пятьсот, если не больше. Приглашительные билеты на входе проверяли дюжие парни с трехцветными повязками. Алексей то и дело здоровался с какими-то неизвестными Юре людьми – с одними за руку, другим бодро махал издали. «Как рыба в воде», - пришло на ум хрестоматийное сравнение. Места для себя и Юры он заполучил привилегированные – во втором ряду, около ступенек, ведущих на сцену.

Не успел Юра усесться, как пришлось вставать. Обменяться приветствиями к ним подошел сухопарый мужчина с бородой, чье лицо показалось смутно знакомым. Он энергично пожал руки обоим друзьям и поинтересовался у Алексея:

- Молодежь подтягиваешь?

- Готовлю потихоньку, - ответил тот, и Юра смекнул, что речь ведут о нем.

- Правильно. Молодые – двигатель перемен, - бросил бородач, хлопнув Юру по плечу.

Когда он взбежал на сцену, Юра вспомнил, где видел его лицо. Оно глядело на горожан с листовок, наклеенных у подъездов и на остановках. Это был доцент политехнического института Новицкий, лидер здешней демократической оппозиции. Доцент баллотировался сам и

призывал поддержать обширный список сторонников реформ. «Новицкий за новизну!» - гласил его лозунг.

Ожидание столичного вождя выдалось томительным. Тот сильно опаздывал, поэтому переполненный зал переговаривался вполголоса, попутно слушая песни Талькова и Цоя, лившиеся из колонок. Алексей молча тер пальцами свой брелок – эту привычку Юра стабильно подмечал за ним после того идиотского собрания. Тот же самый был предмет или нет, определить он не смог. Друг отрешенно смотрел перед собой, будто в мыслях своих витал далеко-далеко.

- Можно посмотреть? - спросил Юра, указывая пальцем на брелок.

Алексей вздрогнул.

- Давай потом?

Юра пожал плечами.

- Ладно, как хочешь.

На тридцать седьмой минуте ожидания стоявшие сбоку, вдоль откидных кресел с потертой плюшевой обивкой, задвигались, подаваясь к стене. По рядам словно пошла рябь. Вниз по наклонному проходу шагал рыжеволосый, с залысинами, человек среднего роста в темно-синем костюме. Делая резкую отмашку правой рукой, в левой он сжимал коричневый кожаный портфель. На лацкане его пиджака пламенел депутатский значок. Человека тотчас узнал даже Юра, всего несколько раз смотревший прямые трансляции из Кремля.

Зал зашевелился и ряд за рядом начал вставать. Грянули аплодисменты. Человек замахал свободной рукой и лихо, перескакивая через одну ступеньку, одолел подъем на сцену. В момент импровизированного торжества, поднимаясь вместе со всеми, Юра вдруг ощутил какое-то подобие стыда. Нет, он ничего не имел против перемен, но от вставаний и рукоплесканий на него повеяло всё тем же комсомолом, который уже начал отодвигаться со своими атрибутами и порядками в дальние дали.

Новицкий формально представил вождя и, ловко отодвинув свободный стул, помог ему расположиться в президиуме. Рядом с Юрой и Алексеем щелкал своим аппаратом фотограф областной газеты, запечатлевая исторические кадры. Именитый демократ еще раз помахал залу и взялся за графин с водой.

- Есть ли предложения? Дополнения? - зычно осведомился доцент-кандидат, огласив повестку.

В таких случаях, как твердо помнил Юра из опыта предыдущих, застойных лет, предложений и дополнений никогда не поступало.

- Есть! - раздался прекрасно знакомый голос, и тут настала очередь Юры вздрагивать.

Слова потребовал его однокурсник и друг. Алексей моментально очутился у стойки микрофона рядом со сценой.

- Есть предложение к повестке! - повторил он, и колонки резко усилили звучание.

Юра видел его лицо немного наискосок и на расстоянии, но ясно различил неестественный блеск в глазах. Хотя он мог бы поклясться, что Иванников не выпил ни грамма.

- Предлагаю дополнить пунктом о строительстве атомной электростанции в нашей области. Ученые считают, что АЭС представляет опасность для населения и может стать вторым Чернобылем. Демократические силы должны добиваться референдума о ее запрете!

После драматической паузы зал разразился грохотом рукоплесканий – не меньшим, чем при встрече вождя. Алексей стоял перед микрофоном, расставив ноги на ширину плеч, и Юре показалось, что друг находится на палубе корабля, а попутный ветер вот-вот подхватит полы его куртки.

- Что в папке?

- Документы кое-какие, для служебного пользования. Пусть у тебя полежат, хорошо? - сказал Алексей.

Барсик терся об его штанину и урчал, как трактор.

- А ты сейчас куда?

- Повстречаюсь кое с кем. Забегу попозже или позвоню. Сам не звони.

- Я завтра утром уезжаю, - сказал Юра.

- Уезжаешь? - Алексей положил свою папку с бантиком на письменный стол и присел на краешек дивана, отодвинув скомканную простыню.

- Хотел на недельку в Кабардинку рвануть, в море покупаться.

- Покупаться – это классно.

Неуместность мелких планов отдыха на Черном море была очевидной в свете открывшихся политических обстоятельств. «А почему я обязан что-то менять? С какой, вообще, стати? Это их дела, не мои, - внезапно с раздражением подумал Юра. - Пусть между собой разбираются».

Инициатива с референдумом о судьбе АЭС взорвала атмосферу в доселе тихом краю. Ее там же, со сцены «Карлика», благословил вождь радикальной оппозиции, а всяческие активисты и добровольные помощники под командой Новицкого претворили в жизнь. Голосование состоялось одновременно с выборами, принеся ошеломляющий успех демократам. Новицкий отправился заседать в российский парламент, студента Иванникова в девятнадцать с половиной лет избрали депутатом горсовета.

- Ты сам это придумал или заранее решили? - допытывался Юра.

- В мемуарах всю правду напишу, - отшучивался Алексей.

То был его звездный час. Из полуживого комсомола он демонстративно вышел, причем даже раньше, чем Ельцин из КПСС. Зачастил в командировки, теперь преимущественно в Москву. В горсовете возглавил комиссию по гласности, которая взялась разоблачать образ жизни номенклатуры. Коллектив боевого листка пополнили несколько вчерашних независимых литераторов, которых обаял Иванников. Платили штатным разоблачителям нежирно, однако Алексей, ссылаясь на старших коллег-депутатов, рисовал заманчивые перспективы. Влиться в лагерь демократической прессы он предложил и Юре. Зуев, осознавая, что полноценно совмещать листок с университетом не получится, отклонил предложение.

На их отношениях это ничуть не сказалось. Юра, по-прежнему держась за филфак, в душе восхищался напором и удачливостью Алексея. Всё, о чем он мог только помечтать, удавалось Иванникову буквально в одно касание. Алексей, в свою очередь, заскакивал к нему в гости или приглашал к себе домой, иногда просил об одолжениях, связанных с учебой. Весь четвертый курс он балансировал на грани вылета, затем, к ужасу родителей, перевелся на вечернее отделение...

- Договорились? - без тени сомнения в голосе произнес Алексей и подвинул папку в сторону Юры.

- Может, у Лены надежнее будет?

- Нет, не будет. С ней тема закрыта.

Это было сказано так, что охота спорить у Юры в принципе не возникла.

- Держись! Свяжемся до твоего отъезда, - подытожил Алексей, на прощание почесал Барсика за ухом и удалился, не говоря больше ни слова.

Папку с документами Юра переложил на книжный шкаф, так как его полки заодно с ящиками стола были переполнены. Внутри дивана лежало свернутое вчетверо теплое одеяло и тесно, впритык, стояли коробки с осенней и зимней обувью. Найдя временное решение, он направился на кухню, где водрузил на плиту чайник и включил черно-белый Schilalis. Завтракая чаем и куском черного хлеба с дефицитной докторской колбасой (мама достала ее через свою приятельницу из сферы общепита), Юра вспомнил, как всё произошло с Леной.

Алексей дружил с ней, начиная с восьмого класса, поэтому и не интересовался девушками из группы. Она перевелась из другой школы, после того как ее отец, инженер завода полимеров, улучшил жилищные условия, и семья переехала в новый микрорайон с панельными девятиэтажками. Внешностью Лена, возможно, уступала заграничным красоткам с популярных постеров, но была в ней какая-то изюминка, побуждавшая самых шустрых ребят оборачиваться ей вслед. Юра полагал, что друг не устоял перед томным взглядом ее больших карих глаз, которые и его не оставили равнодушным.

Лена, впрочем, была способна обаять не только взглядом. Она с младших классов посещала секцию легкой атлетики, участвовала в областных соревнованиях и успевала учиться на «отлично» по всем предметам, кроме химии. Та ей по иронии судьбы никак не давалась, и четверку Лене ставили только чтобы не портить успеваемость. «Ну, не мое это – полимеры», - вполне беззаботно высказывалась она на сей счет. О делании карьеры девушка, кажется, не задумывалась, и тут она точно пошла в родителей. Отца давно уже не перемещали вверх по служебной лестнице (вероятно, из-за нежелания вступать в партию), а мать всю взрослую жизнь трудилась простым бухгалтером.

Насколько было известно Юре, у Алексея с Леной всё развивалось совершенно неспешно и платонически – в виде прогулок на свежем воздухе, посещения театров и кино, совместного празднования дней рождения. На выпускном они обнимались и целовались, уединившись в школьном саду. Дальше, как откровенно поделился Иванников, перефразируя генерального секретаря, процесс не пошел. Вузовская круговерть оставила меньше простора для лирики: Лена и Алексей занимались в разные смены, к тому же ее истфак базировался в другом корпусе университета. А его депутатство с командировками свело понятие личной жизни к чистой абстракции.

Развязка произошла за полмесяца до утреннего визита Иванникова. Ничто не предвещало такой исход. Воскресную поездку на природу затеял сам Алексей, избрав ее конечным пунктом турбазу общей альма-матер. Кроме него, Лены и Юры, в путь отправилась девушка по имени Катя, тоже студентка истфака. Ехали, как в былые времена, сначала на электричке, затем на битком набитом автобусе до близлежащего пионерлагеря – водитель обслуживал его и калымил, беря левых пассажиров. Что касалось турбазы, Алексей знал ее окрестности как свои пять пальцев и уверенно повел компанию мимо деревянных летних домиков вдоль петлявшей сквозь камыши речки.

Заветное место оказалось неподалеку, где сосновый лес подбирался почти к самой кромке берега. Песчаного пятка хватало как раз для них. Расстелили принесенные с собой полотенца, одежду побросали на бревно и через пять минут уже купались и ныряли, поднимая брызги. День выдался чудесным: после дождей, в конце рабочей недели нагрывавших откуда-то с востока, снова припекало солнце, а вода, вопреки поверью насчет Ильина дня, несколько не успела остыть. На мелководье безбоязненно резвилась мелкая рыбешка, и Алексей сказал, что здесь водятся раки.

После купания все растянулись на полотенцах, подставляя тела солнечным лучам. Мигом проснувшийся зверский голод утолили заранее нарезанными огурцами, помидорами и подделанным по-братски цыпленком табака. Еду запили домашним компотом из вместительного термоса, который прихватил с собой Юра.

- Я и не думала, что депутаты как простой народ отдыхают, - лукаво заметила Катя, которая улеглась на спину и закинула руки за голову.

Алексей усмехнулся.

- Настоящий депутат неотделим от народа.

- Твоя газета писала, как сюда из обкома ездили?

Подруга Лены не церемонилась говорить народному избраннику «ты». Она вообще, как понял Юра, была не из стеснительных. Ее розовый купальник скрывал ровно то, что уже кате-

горически нельзя было не скрывать, а во время ныряния, казалось, распрощается с хозяйкой и безвозвратно уплывет по течению. Он подчеркивал, что Катя тоже не чуралась занятий спортом и регулярно принимала солнечные ванны.

- Своей газеты у меня нет, ее Совет учредил, - миролюбиво разъяснил Иванников, поудобнее устраиваясь на левом боку и пальцами правой руки теребя свой вечный брелок.

Совсем недавно бойкие журналисты опубликовали разоблачительную статью о чиновниках-партократах, которые нарушили правила въезда в лесной массив, пили и пели, не оплатив аренду домика. Комиссия по гласности настрочила по этому поводу запрос.

- А хотел бы свою? Собственную?

- Частную?

- Ну да. Сейчас всё можно.

Лена молча слушала их беседу, лежа спиной к солнцу. Ее купальник был чуть целомудреннее, чем у Кати. А в больших карих глазах застыло какое-то напряжение, появившееся сейчас, на берегу. Она словно хотела высказать что-то, но сдерживалась. «Ревнует?» - предположил Юра.

- Для бизнеса нужен талант, - ответил Алексей.

- Мне кажется, одной власти достаточно, - возразила Катя. - Если с умом пользоваться.

Лена кашлянула.

- Давайте хоть тут без политики?

- Подождете минут десять? Я до лодочной станции и обратно, - Алексей поднялся и стряхнул с локтя прилипший песок.

- Я с тобой, - решительно заявила Лена.

Когда они скрылись за кустами, Катя повернулась к Юре. В полной тишине, которую подчеркивало только редкое стрекотание кузнечика, она смотрела на него до тех пор, пока он не покраснел. Как сообразил Юра, Лена позвала подругу, скорее всего, по просьбе Алексея – чтобы не было скучно ему, Юре. Вряд ли за ее приглашением скрывалось что-то еще.

- Ты в науку собрался, значит?

- Если получится. До аспирантуры дожить надо, - ответил он.

- Потом в универе останешься?

Юра перевел взгляд с ее груди под мокрой полоской ткани на бревно с одеждой.

- Так надолго я не загадываю.

Диалог с почти полностью раздетой девушкой клеился трудновато. У Алексея, как смутно догадывался его друг, с противоположным полом всё-таки происходило что-то посерьезнее поцелуев и объятий под яблонями. В конце концов, разве могло быть иначе у человека, близкого к эталону? Сам же Юра точно застрял на этапе гуляний и вздохов, сознательно не форсируя события. О серьезных намерениях, по его понятиям, пока не могло быть и речи, а склонности к донжуанству он не имел.

Причина была в том, что в семье Юру воспитывали в строгих правилах. Мать с отцом прожили в первом и единственном браке двадцать три года и свято верили в истинность своей концепции. В итоге сын вырос довольно далеким от тех своих сверстников, которым не терпелось удовлетворить одну из основных физиологических потребностей. Юра не бегал подсматривать, встав на ящик от стеклотары, в окошко женской бани, а позднее не посещал дискотеки, где можно было пройти курс мануальной подготовки. К дискотекам он был равнодушен еще и потому, что у него напрочь отсутствовал музыкальный слух – в отличие, кстати, от того же Алексея.

- Если приглашу на свидание, придешь?

Вопрос, заданный Катей, застал его врасплох.

- Ты меня?

Она рассмеялась неожиданно приятным, озорным смехом.

- Соглашайся, пока не передумала.

«Иванников бы не мешкал», - пронеслось в голове у Юры. Катя встала с полотенца и потянулась, как после сна.

- Сплываем до того берега и обратно? - предложила она.

Прошло гораздо больше десяти минут, и Юра с Катей успели сплавить и еще поваляться на солнышке, когда раздался скрип весел в уключинах, а потом из-за поворота реки показалась лодка с надписью «Буревестник». Алексей грёб, Лена сидела на корме. Правое запястье друга было обмотано тонким ремешком, продетым через брелок.

- Объявляется посадка! - призывно крикнул Алексей.

В его глазах читался тот особенный блеск, который Юра видел в разных непростых ситуациях. Лена, наоборот, казалась подавленной.

- Давай, грузимся! - скомандовала Катя.

Они совершили целое путешествие вверх и вниз по течению, опять купались и загорали. Алексей был в ударе: шутки с анекдотами так и сыпались из него, Юра только улыбался в ответ, Катя заливисто хохотала. Лена реагировала вяло, но никто не задал ей вопрос, в чем проблема. С девушками молодые люди расстались на вокзале, выйдя из электрички. Те отказались от провожания, поскольку жили по соседству. На прощание Катя обняла Юру и жарко шепнула на ухо: «Жди, позвоню». Уже идя с Алексеем прочь от привокзальной площади, он сообразил, что не дал ей свой номер.

- Лена уезжает, - сквозь зубы проговорил Алексей, когда они в сумерках миновали здание горсовета и горисполкома без единого огонька в окнах.

- Надолго? - спросил Юра.

- Навсегда.

Смысл фразы был в следующем. Родители Лены отыскиали у себя какие-то древние корни и подали заявление на выезд за рубеж – для воссоединения с родней по линии прабабушки. Оказывается, эпопея тянулась долго, а теперь поступил положительный ответ. Хорошо, что отцовский завод не был оборонным, иначе и перестройка не помогла бы. Так сказала Лена со слов своей мамы.

- Как же ты? - опешил Юра.

- Я остаюсь, конечно, - ответил его друг и депутат.

Диктор в телевизоре в очередной раз огласил заявление ГКЧП и указ вице-президента, взявшего на себя президентские полномочия. «Интересно, закроют границы или нет? Вот и уехала Лена в свою Канаду... или куда они собрались? Да, покатались мы на лодочке...» Эти мысли плавно сменили одна другую, а затем из комнаты послышался жуткий грохот. Юра вскочил, как ужаленный. Через несколько секунд его взору предстало зрелище рассыпанных по полу бумаг и валяющейся возле шкафа распахнутой папки. Барсик занимал позицию на диване: глаза вытаращены, уши прижаты, туловище готово к броску и бегству.

- Ах ты, жопа мохнатая!

При следующем шаге Юры кот пулей пронесся мимо него в прихожую. Изменив направление движения и чуть не врезавшись в стену, он всё-таки вырулил на скользком линолеуме и с топотом скрылся в комнате сестры Инги. Привычка домашнего любимца запрыгивать на верхотуру не была вовремя учтена. Случайно он задел то, что не должен был задевать, или злонамеренно спихнул своей лапкой – какая, в сущности, разница?

Юра присел на корточках, чтобы разобраться в учиненном безобразии. Содержимое туго набитой папки не только рассыпалось, но и перемешалось. Были здесь какие-то документы на украинском и, кажется, литовском языках, были платежные ведомости, копии чеков и чьи-то расписки, акты и счета-фактуры, была программа обучающего семинара на английском.

Привести всё это в изначальный порядок, разумеется, не смог бы никто из смертных. Юра вздохнул и начал элементарно складывать бумаги в стопку.

Приобщив к стопке очередную расписку, он остановился. На листе из тетради в клетку был прекрасно знакомый ему по вузовским конспектам почерк Алексея. «Это нехорошо, но я ему завидую. Иногда просто мучительно. Ничего не могу с собой поделать», - прочел Юра. Первая мысль была почему-то: «Сочинение», хотя после вступительного экзамена они больше не писали сочинений. Вторая – о том, зачем оно оказалось среди бумаг, не предназначенных для чужих глаз.

Он взялся читать дальше, почему-то отстраненно подумав о том, что это не совсем прилично. А, изучив весь текст с обеих сторон листа, испытал потрясение. Перед ним был фрагмент дневника, который набегами вел Алексей. Здесь же лежали другие страницы, мелко испитые от руки. Они тоже рассыпались в беспорядке, поскольку и до удара об пол держались в общей тетрадке еле-еле. На фабрике явно пожалели клея.

Страницы не были пронумерованы, и Юра, чтобы вернуть их в исходное состояние, вынужденно продолжил чтение. Он торопился и перескакивал с пятого на десятое, но уже очень скоро перед ним вырисовалась картина, о которой он никогда не подозревал.

Идеальный друг был далеко не идеален. Гонка за золотой медалью держала его в напряжении с начальной школы, год за годом, почти без перерывов и выходных. При отсутствии братьев и сестер от продолжателя фамилии требовали только лучших результатов, не признавая за ним права на осечку. Он должен был пойти по стопам отца – заслуженного ученого, труды которого публиковали толстые академические журналы. Математика считалась безусловным приоритетом. «К девятому классу я ее дико возненавидел», - писал не для печати Алексей.

Возражать диктовавшим свою волю родителям он не мог и не умел. Те выросли в не слишком интеллигентных семьях, где мнением детей никто не интересовался, сами пробивали себе дорогу, придавая главное значение трудолюбию и ценя знания. Причем под знаниями подразумевались естественные дисциплины, а не изменчиво-конъюнктурная «гуманитарщина», как выражался Иванников-старший. И быть бы Иванникову-младшему студентом математического факультета, если б однажды, под Новый год, не появился в их квартире почти забытый, но близкий родственник.

Дядя Саша, младший из отцовских братьев, высоченный и громогласный, прикатил из Сибири. В предыдущий раз Алексей видел его, наверное, лет в шесть. Профессия геолога носила дядю Сашу по разным удивительным местам огромной страны. На этот раз он вел изыскания в бассейне Ангары или Енисея (точно Алексей не запомнил). Племянник уже вымахал почти с него ростом, но оробел перед лицом такого незаурядного человека.

Для всех членов семьи дядя привез подарки – кедровые орехи, банку мёда, копченую рыбу, которая пахла невероятно вкусно. Под свои взрослые разговоры на кухне старшие выпили по рюмке сибирской настойки. Иванниковы не вовлекали сына в подобные ритуалы, и Алексей сидел у себя в комнате с томиком Джека Лондона. Сегодня ему было можно взять тайм-аут. Он добрался до места в книге, где Мартин Иден вспоминал о том, как голодал и ходил оборванцем, а его произведения никого не интересовали. В этот миг из-за двери донесся голос дяди Саши:

- Пустишь на минутку?

Он вошел и заполнил собой почти всё свободное пространство – человек из другого, необъятного мира, где настоящие мужчины сами решали, как им жить. Во всяком случае, так думал тогда Алексей.

- Я ведь тебе ничего не подарил, - сказал дядя Саша. - Держи-ка.

На его широкой, жесткой ладони лежала серая костяная пластинка с круглым отверстием посередине. При ближайшем рассмотрении было видно, что ее украшает затейливый орнамент – загадочные письмена или рисунок, напоминавший наскальную живопись пещерных племен.

- Спасибо, - вежливо ответил Алексей. - А что это?

- Говорят, амулет. Но помогает не каждому.

- Откуда он?

- У шамана выменял, на спирт, - сообщил дядя Саша.

- У настоящего шамана?

- Местные его так называют. Вообще, он фельдшер в поселке.

Амулет был бугристым на ощупь и показался Алексею неожиданно теплым – возможно, после горячей дядиной руки.

- Носи на здоровье, - напутствовал его далекий и в то же время близкий родственник.

«Вот, значит, какой у него брелок», - мысленно произнес Юра. Следующая по счету страница дневника, которую он выудил из бумажного вороха, добавила ощущения нереального.

«Я не очень поверил дяде Саше, - писал Алексей. - Какие в декабре 1985 года шаманы и чудеса? Подарок сунул в карман рубашки, вернулся к «Мартину Идену» и вспомнил про него только утром, когда одевался. Амулет выпал на пол, я поднял его и почувствовал, что он по-прежнему теплый. Рубашка висела на спинке стула, далеко от батареи, к тому же в квартире было прохладно. Топили плохо при минус двадцати на улице. Я удивился, потрогал еще, потер».

Потерев пластинку из кости, Алексей, по его собственным словам, ощутил, как его наполняет невероятная сила. Он почему-то сразу понял и принял как данность, что может решить любую задачу, и совсем не обязательно математическую. В спину ему как будто подул попутный ветер (при этом сравнении Юра вспомнил свои впечатления от происшедшего в ДК).

Дядя Саша рано уехал в аэропорт, и к семейному завтраку вышли из спальни только отец с матерью. Алексей не стал откладывать то, что, по его убеждению, назрело и перезрело.

- Во-первых, я не буду поступать на математический факультет. Мягко говоря, мне глубоко безразличен этот предмет. Во-вторых, я сам выберу интересующую меня профессию. Ничьи советы слушать не собираюсь. В-третьих, время опеки прошло. Я намерен планировать свое время так, как захочу, и в контроле не нуждаюсь. Уж точно не стану больше тайком читать книжки под одеялом, - отчеканил он, не дав родителям сказать ни слова.

Мама охнула и пролила заварку мимо чашки. Отец глядел на сына исподлобья секунд двадцать или тридцать, потом отреагировал:

- Хорошо. Делай, что считаешь правильным.

Не последовало ни взрыва эмоций, ни упрека в неблагодарности. Он словно подвел итог обсуждению теоремы.

- Но как же...

Договорить маме не удалось.

- Насильно мил не будешь. Мы, правда, что-то увлеклись. Пусть решает сам и отвечает за свои поступки.

После этих слов отца Алексей безоговорочно уверовал в волшебные свойства амулета.

Юра по-турецки сидел на полу и заканчивал восстанавливать дневник друга, страница за страницей. Признание насчет зависти относилось к нему. Оно потрясло не меньше, чем история с подарком из Сибири. Прибегая к помощи амулета, Алексей всё сильнее зависел от него. Сначала он опасался таинственной вещи от шамана, использовал ее редко, только дома, и носил с собой, не доставая – до того комсомольского собрания. Тогда многочисленные обвинители не приняли никакого решения, отклонившись от намеченного сценария. На заседании вузовского комитета Иванников, положившись на себя, проиграл. С тех пор он больше не рисковал и в любой сложной или важной для себя ситуации тер костяную пластинку с дырочкой. Даже на людях.

«Он живет по своим правилам, и у него получается. Не депутат, ну и что? Знает, чего хочет. Идет к цели шаг за шагом. Просто остается собой», - именно о Юре написал недавно Алексей. Была в самом конце дневника и запись о разговоре с Леной на речке.

- Ты чего вообще хочешь? - спросила она своего давнего друга и поклонника.

- В смысле?

- В прямом. Я, например, хочу обычной жизни в нормальной стране. Без талонов, дефицита, обмена денег. Для себя хочу пожить. Семью, детей потом.

- Чем тебе страна не подошла? Подожди немного, постепенно всё наладим, как у них, - пообещал Алексей.

- Не тешь себя иллюзиями. Не наладите, - холодно ответила Лена.

Он еще говорил и говорил, убеждал и доказывал, однако амулет впервые не подействовал. Ночь после поездки на турбазу прошла между сном и явью, а когда удавалось забыться, мучили кошмары. Алексей, задыхаясь, бежал по горящей тайге, за его спиной с треском и грохотом рушились вековые деревья, вихрем кружились багровые искры. Пожар остался позади, но тут поперек тропы сгустились чьи-то тени. Вскинув левой рукой щит из шкуры какого-то косматого зверя, он сумел остановить первую стрелу. Спустя мгновение вторая вонзилась ему в правый бок, между ребер. Земля, покрытая мхом, рванулась навстречу и больно ударила в лицо. Стрела в бок обломилась, оставляя внутри наконечник из камня. Он почувствовал, как соленая кровь потекла изо рта, сжал пальцами бесполезный амулет и... проснулся.

«Оставляю его на время в секретной папке. Или даже навсегда, посмотрим». На этой записи двухнедельной давности дневник Алексея обрывался.

Юра бережно подровнял стопку страниц из развалившейся тетради, обернул обложкой со следами клея. Под глянцевым рекламным буклетом с изображением сенатора США от Республиканской партии он обнаружил целлофановый пакетик, перевязанный знакомым ремешком. Открывать его и трогать шаманский брелок не стал, вложил в середину стопки.

Алексей позвонил около часа дня – похоже, из телефона-автомата. Голос был напряженным.

- Что у тебя?

- Ничего, уборкой занимался, - сказал почти всю правду Юра.

- Не беспокоил никто?

- Нет.

- Жди, скоро буду.

Его «скоро» затянулось почти на час. Юра успел пожарить и съесть яичницу, помыть посуду и собрать сумку в дорогу. На месте не сиделось, было желание занять себя чем угодно.

- Поехали со мной, - предложил он, когда Алексей переступил порог квартиры.

- Ты на самолете? - спросил тот, судя по выражению лица, размышляя о своем.

- Поездом до Новороссийска, оттуда на автобусе. Билет с рук купим, или бронь выкинут. Жилье какое-нибудь найдем. Поехали, бросай к чёрту всю эту канитель.

Друг рассеянно поглядел на него васильковыми глазами без малейшего блеска.

- Я не могу. Папку спрятал?

- За нее не волнуйся, - заверил Юра.

Папку для служебного пользования он капитально перетянул шпагатом, который откопал в ящике с инструментами под ванной, и пристроил в диван, вместо зимних сапог. Коробка с сапогами отныне стояла на шкафу, не оставляя Барсику оперативного простора для запрятывания.

- Спасибо, - сказал Алексей. - А я в Москву сегодня. С Новицким говорил, он в «Белом доме».

Было ясно, что агитировать его за Кабардинку бесполезно. Юре захотелось рассказать ему о своей нечаянной находке и о том, что он знает тайну амулета, но никому не выдаст ее. Он уже почти решился, но Алексей разрушил его замысел.

- Возьми, - протянул он Юре мятый листок из отрывного календаря.

На листке плохой шариковой ручкой было нацарапано шесть цифр.

- Что это?

- Домашний номер Катерины. Лена передала, специально для тебя, - пояснил Алексей.

- Бери, не тормози.

Место силы

Офис туристического агентства «Гранд вояж», состоявший из двух смежных комнат, отличался оригинальным интерьером. У каждой его стены кроме той, где располагалась входная дверь, был свой цвет – красный, оранжевый, желтый, зеленый и далее согласно полосам радуги. Половину одной из них занимала подробнейшая рельефная карта мира от пола до потолка. Над ней, на уровне чуть выше человеческого роста, в ряд висели шесть одинаковых часов со стрелками. Они были настроены на разные пояса, от Нью-Йорка и Гринвича до Сингапура и Токио. Часы громко тикали. Стрелки перемещались короткими рывками.

Слева от входа вместо вешалки торчал бивень то ли слона, то ли носорога. Здесь же, начиная от двери, красовались авторские фото хозяйки. Все снимки были сделаны в ходе многочисленных путешествий по разным континентам Земли. Таким образом, первая и меньшая комната служила сразу выставкой и холлом. Сама хозяйка, закутанная в фиолетовую шаль, сидела в большей из комнат, как раз под часами – на полукруглом возвышении, напоминавшем подиум. Между нею и посетителями было воздвигнуто нечто вроде кованого ажурного заборчика.

- С прибытием из Гренландии? - спросил Максим, помешивая чай слишком горячей ложечкой.

Крутящееся гостевое кресло, предложенное ему, стояло прямо перед заборчиком.

- С Фарерских островов, - уточнила Амалия.

- Здорово, - от всей души восхитился он.

Занимаясь проектами в сфере полиграфии, Максим чаще колесил по России. Самым экзотическим местом зарубежья, которое ему довелось посетить, был непризнанный мировым сообществом Северный Кипр. К Амалии он забрел по старой дружбе, случайно. Внезапно образовалось «окно» между парой деловых встреч, а до турагентства было рукой подать. Амалия искренне обрадовалась его визиту. Она только что вернулась из банка и предложила почавничать, закусив бубликами. Предложение оказалось своевременным, так как в офисе было зябко.

- Ты чего лично по банкам таскаешься? - поинтересовался Максим, откладывая ложечку на фарфоровое блюдце. - Где твоя ассистентка? Как ее... Валя... Вера?

- Василина, - поправила его владелица «Гранд вояжа».

- Точно! Никак не запомню эти модные имена. Василины, Гэндальфы, Святогоры... И в управляющую компанию пускай ходит, топят еле-еле.

- Уволилась моя девушка.

- Зарплата маленькая?

Амалия отрицательно помотала головой.

- Зарплата небольшая, конечно. Откуда у меня большой взяться? Но ты же знаешь молодежь. Амбиции через край, умнее всех себя считают. Она, видите ли, думала, что будет на Бали кататься или на Мальорку, а тут документацию вести надо, клиентов выслушивать.

- Другую взяла бы из числа перспективных. Их полно после вузов.

На эту рекомендацию Максима хозяйка-путешественница только рукой махнула.

- Брала. На неделю ровно.

- И куда делась?

- Вышла на обед и не вернулась.

- Да ладно, - не поверил Максим.

- Так и есть. Потом позвонила, ближе к вечеру, и говорит: мне, дескать, мама отсоветовала. Обещала устроить в налоговую.

- Не такими мы раньше были...

Если уж совсем честно, то у Максима имелся и вполне конкретный повод проведать Амалию. К этому шагу его сподвигло изучение ее наисвежайших фото в социальной сети. Вернее, фото заодно с постами к ним. Еще недавно «Гранд вояж» оказывал населению довольно стандартные услуги, в основном отправляя туристов на широко разрекламированные курорты. Безусловно лидировали отели, работавшие по системе «Всё включено». Платежеспособный контингент, как правило, выбирал варианты с максимальным расслаблением в треугольнике «бар – бассейн – пляж». Но с некоторых пор, когда экономику залихорадило, Амалия резко переключилась на другое.

Каждый ее вдохновенный текст теперь был посвящен плюсам внутреннего туризма. Отныне «Гранд вояж» воспевал закаты солнца на Балтийской косе, колдовские загадки острова Ольхон на Байкале и руины древнего Аркаима в уральской степи. Желающим обменять границу на отечественные просторы предлагались разнообразные бонусы. Разумеется, Максиму стало любопытно, много ли нашлось желающих.

- Что бизнес, процветает? - задал он следующий вопрос.

- Ой, не то слово! - живо реагировала Амалия. - Зашиваюсь просто, ничего не успеваю.

Стол уволенной ассистентки возле окна действительно был завален папками с бумагами. Впрочем, зная хозяйку далеко не первый год, Максим с выводами не торопился. Познакомились они, когда Амалия была стажером в крупной сетевой компании, также практиковавшей на поприще туризма. Он неспешно подбирал себе тур в Грецию, она набиралась опыта для самостоятельного плавания в море предпринимательства и носила менее яркие наряды, не чета нынешним.

В предыдущие времена местом работы Амалии была средняя школа, где ее персональной сферой ответственности являлось воспитание учащихся. «Хороводы водили», - так она охарактеризовала свои прежние обязанности. Новое призвание Амалия открыла в себе, увидав Тадж-Махал и реку Ганг в Индии. Путевку туда ей купил муж, генеральный директор нескольких фирм и муниципальный депутат. Он же впоследствии арендовал офис и оплатил экстравагантный ремонт, после чего перестал вникать в дела жены.

Увлекающаяся натура требовала выхода. Из стажеров перейдя в руководители, Амалия записалась на кучу курсов по повышению личностного и профессионального уровня. Круто изменив свою жизнь после сорока, она как будто наверстывала упущенное. Максим был человеком более консервативным. Профессию, которая кормила его с юности, он не торопился сменить на другую, периодически повторяя про себя: «Надо делать то, что получается».

- То есть, повернулся народ лицом к своей стране? Осознал?

Тут Амалия не дала ясного ответа, вместо него без паузы пустившись в несколько иные рассуждения.

- Ольхон – это такое место силы, где ты ощущаешь полное духовное перерождение! Необъятный простор до горизонта, бездонная пучина озера, прямая связь с космосом! Через тебя буквально хлещут потоки энергии!

Максим вежливо покивал, вспоминая ее последние фотографии. На них Амалия, бурно переживавшая вторую молодость, распускала длинные, ниже талии, волосы, запрокидывала голову, оголяла плечи и ноги, демонически шурилась и вздымала руки к небу. В витиеватых выражениях она призывала подписчиков раскрепостить свое «я» и полностью слиться с матерью-планетой. Ему стало интересно, что, например, думает по этому поводу муж-депутат. Хотя вряд ли тот вообще успевал о чем-нибудь толком подумать, день-деньской мотаясь по городу между своими фирмами и офисами партнеров.

- На Фарерах силы нет?

- Скучновато, - небрежно сказала она. - Овцы, домишки. Но разок можно прокатиться.

- Курсы так же посещаешь? - спросил Максим для поддержания диалога и отпил из чашки.

- О, насчет курсов совершенно особая тема! Я недавно была на тренинге у Альберта Выдрина.

- У кого?

- Выдрина не знаешь? - изумилась Амалия.

Покопавшись в глубинах памяти, Максим вспомнил увиденную где-то афишу. С нее умеренно небритый мужчина в концертном пиджаке и галстук-бабочке указывал перстом на прохожих и взывал, подобно красноармейцу эпохи Гражданской войны: «Ты прокачался у меня?» Никаких других сведений о персонаже он не имел.

- Альберт Выдрин – ведущий коуч в номинации «Духовные практики», президент Всероссийского конгресса бизнес-наставников, - разъяснила Амалия.

- Духовный практик? Батюшка, что ли?

- Сам ты батюшка. Духовные практики... как бы попроще сказать, подступнее... это что-то вроде йоги. А он использует их в своей образовательной деятельности. На его тренинги в «Олимпийском» по десять тысяч человек собиралось. Из регионов специально ехали.

- Ты тоже?

- Я не успела. Узнала поздно, все билеты размели, даже с рук. Только видео посмотрела, - с нескрываемым сожалением поведала Амалия. - Зато потом, когда он к нам приезжал, я в первый ряд попала.

- Что же вы все делали, просто сидели и слушали его? - Максим был сама серьезность, внутренне норовя хихикнуть.

- Не просто. Был сеанс коллективной медитации, это первый шаг к трансформированному сознанию.

- Зачем же его трансформировать?

Амалия метнула на Максима внимательный взгляд, но не уловила в облике приятеля ничего крамольного.

- Трансформировать необходимо, если стремишься к новым рубежам. Иначе старая сущность будет тянуть назад в хаос, мешать прогрессу.

- Прогрессу в чем?

- Во всём. В бизнесе, интеллектуальном совершенствовании, личной жизни.

Слова про личную жизнь вызвали у Максима дополнительный интерес.

- Слушай, у тебя-то в семье порядок. Может, не обязательно прокачиваться?

В семье у Амалии, кроме мужа-депутата, была дочь-студентка, мечтавшая об артистической карьере. Кроме регулярного участия в каких-то массовках, эта энергичная девушка рассылала резюме по всем киностудиям и заочно училась в академии гримеров-визажистов. Родители узнавали о ее инициативах задним числом, но обычно не перечили единственному чаду. Все трое давно функционировали по своим отдельным, не пересекавшимся программам. Это и называлось порядком.

- Методика так не работает, - возразила продвинутая владелица турагентства. - Тренинг приобретается пакетом.

- Дорого?

Максим только присвистнул, когда Амалия назвала цену.

- Не слабо! Я лучше в Гренландию слетал бы. Или чуть поближе, в Исландию. Там «Игру престолов» снимали.

- Подобные вложения окупаются с лихвой, - как по писаному парировала собеседница. - А игры – это, знаешь, для тех, кто не думает о завтрашнем дне.

Про завтрашний день думалось, и правда, плоховато. Курс рубля отправился в очередное пике, так что надо было спасать свои активы сегодня. Максим, к счастью, вовремя подсутился благодаря подсказке друга-финансиста, обратив сбережения в твердую валюту. Туристическому же рынку, по его мнению, предстояло пройти сквозь мощный шторм.

- Не боишься, значит, кризиса?

- Инвестирую в себя. Выдрин так и советует, - уверенно подытожила Амалия. - В сорок пять всё только начинается.

Она хотела добавить еще что-то, но мобильник выдал мелодию песни про лабутены.

- Агентство «Гранд вояж», - приветливо отозвалась хозяйка. - Да... Да... Нет... Нет... Вы нас неверно поняли... Тур не отменяется, мы готовы предложить вам замену. Да, абсолютно адекватную. Да, в окрестности Онежского озера... Что?.. Извините, мы действуем строго в рамках постановления правительства...

Абонент, кажется, общался с ней в повышенном тоне. Максим допивал остывший чай и с любопытством прислушивался к разговору, однако из трубки до него доносилось что-то совсем нечленораздельное. Он показал жестом: «Может, я мешаю?» Она успокаивающе помахала свободной рукой: сиди, мол.

Когда Амалия отложила телефон, в холле отрывистобрякнул колокольчик. В отсутствие ассистентки встречать-привечать посетителей было некому, и они спустя несколько секунд появились в главной комнате без помощи провожатых. Точнее, речь шла о посетительницах – двух блондинках лет тридцати пяти, одной повыше, другой пониже ростом.

Судя по облачению, обе далеко не бедствовали. Та, что повыше, была в стильном клетчатом пальто и берете, а под мышкой держала крохотную моську в ошейнике со стразами. Та, что пониже, носила столь же элегантное пальто без клетки, не пользуясь головным убором. Вместо моськи у нее была серебристая сумочка-сундучок с цифровым замком.

На лице у Амалии тотчас отразилось страдание. Ее большие круглые глаза с поволокой сделались еще больше и круглее.

- Мы к вам, и вот по какому вопросу... - решительно начала первая блондинка.

Моська на ее руке беспокойно тряхнула мохнатыми ушами.

- Простите, мне пора, - пробормотал Максим, филигранно ставя чашку с блюдцем на краешек стола и поднимая зад с кресла.

Уже из холла, совмещенного с выставкой, он услышал, что, оказывается, незадачливые путешественницы внесли предоплату за круиз вокруг Испании с Португалией, но в связи с текущими событиями путевки подорожали ровно вдвое. Отдуться за правительство выпало всё той же хозяйке агентства.

С тех пор прошло уже месяца три, а то и больше. Максим успел съездить в одну из своих долгих командировок и вернуться. Обвал рубля и меры властей в связи с ним были вдоль и поперек проанализированы толпой экспертов. Город за это время изменился мало. Кое-какие заведения на главном проспекте закрылись, кое-какие письменно уведомляли прохожих, что проводят финальную распродажу.

Идя прогулочным шагом вдоль первой линии, он сам не заметил, как очутился возле офиса Амалии. Броской, всех цветов радуги вывески «Гранд вояжа» больше не было. Рабочий со стремянкой крепил нечто взамен нее. Максиму стало грустно. По натуре своей человек незлой, он всегда сочувствовал чужой беде.

Что-то заставило его приблизиться. На входной двери, видимо, пока вместо вывески, было приклеено подобие плаката. Центр духовных практик «Озарение» извещал, что завершается набор слушателей на тренинг личностного роста. Тех, кто достигнет полной трансформации, ожидала групповая поездка к местам силы, с медитацией на лоне природы.

Главным украшением плаката служило до боли знакомое фото с распущенными волосами. Амалия была представлена как сертифицированный специалист, наставник и коуч. «По методу Альберта Выдрина», - уточнялось мелким шрифтом.

- Да уж, в сорок пять всё только начинается, - вырвалось у Максима.

Рабочий поднатужился, крякнул и наконец водрузил обновленную вывеску на место.

Социальный статус

- Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора...

Из туч над Москвой лил холодный сентябрьский дождь, а под землей, на станции метро «Алексеевская», был утренний час пик. Вадим сидел на лавке в дальнем конце зала, поджав ноги, чтобы никто не наступил на его почти новые кроссовки. Обувать что-то более официальное он не стал, хотя ему предстояло пообщаться с учредителем и генеральным директором издательства деловой прессы.

Добраться до офиса, где соискателю назначили аудиенцию, можно было всего минут за двадцать, но Вадим вышел из дома заранее. Перед поездкой он предполагал прогуляться для пущей ясности сознания, однако шлепать по пузырящимся лужам расхотел. Теперь Вадим слушал грохот поездов, гул толпы и периодические объявления дежурной у эскалатора. Ехать не тянуло совершенно.

Предварительное собеседование с ним провел зам генерального по кадрам – мелкий мужчина с пухлым лицом и носом картошкой, редким белесым чубчиком и глазами неопределенного цвета, то ли серо-голубыми, то ли голубовато-серыми. В ходе разговора он постоянно потирал руки, а после каждой реплики зачем-то облизывался.

- Э-э, я так понимаю, ситуация у нас щекотливая, - начал он вступительную речь.

Ситуация была действительно щекотливой. В этом издательстве Вадиму раньше уже довелось поработать. Журналист по образованию, он впервые попал туда пять лет назад, принятый на должность специального корреспондента. Освещать предстояло экономические форумы и выставки, постоянно проводимые в столице. Кое-какой подходящий опыт у Вадима имелся: перестав быть помощником депутата у себя в Саратове, он там же, месяцев семь или восемь до переезда сюда, вел колонку в глянцевого журнала под псевдонимом «Афанасий Финансов, системный аналитик». Колонка посвящалась событиям провинциальной политики, а заодно и бизнес-процессам, с нею связанными.

- Ваше обращение... э-э... рассматривалось особенно тщательно, - продолжил зам по кадрам, предварительно облизнувшись. - Вообще, тех, кто от нас однажды увольнялся, мы обратно не берем.

Вадим знал за собой такой грех. На третьем году беспорочного труда он расстался с издательством, поддавшись на посулы земляка и старого друга Иннокентия. Тот как раз покинул редакцию корпоративного издания при очень крутом государственном концерне и срочно искал себе замену. Кеше светило место в известном пиар-агентстве на Тверской. «Дуй сюда! - горячо убеждал он Вадима в преимуществах редакции. - Премия раз в квартал, годовой бонус, перспектива роста до шеф-редактора!»

В другое время Вадим, возможно, спросил бы, почему Кеше самому не остаться навеки в этом раю. Увы, подвело ощущение замкнутого круга, в который уже стали превращаться его хождения по одним и тем же отелям, конференц-залам и выставочным центрам. Да и концерн был реально (или скорее нереально) крут. Несколько премий и один бонус там даже удалось получить. Потом наметились проблемы. Сначала отменили ежегодное вознаграждение для пишущих сотрудников. Дольше него держались, но всё равно пали жертвой финансового оздоровления квартальные премии. Как было заявлено свыше, в отрасли произошел временный спад, вызванный внешней конъюнктурой. Заключительным аккордом стало сокращение штатов. Вадим, принятый в редакцию позже остальных коллег, первым расписался под строчкой «С приказом ознакомлен».

- Вениамину Сергеевичу доложили... э-э... о вашем желании вернуться, - сказал зам по кадрам. - Он, конечно, человек отзывчивый...

Вениамином Сергеевичем звали того самого гендиректора и учредителя издательства деловой прессы. От текущих вопросов он давно дистанцировался и обозначал лишь общий курс компании, по полдня и более проводя на переговорах. При этом натурально имел репутацию человека незлого, могущего вникнуть в нужды подчиненных. Когда Вадим прошался со своей первой московской работой, Вениамин Сергеевич лично пожал ему руку и пожелал творческих успехов. Впрочем, в его взгляде тогда промелькнуло что-то вроде укоризны. Хотя не исключено, что Вадиму это просто померещилось.

- Вакансия специального корреспондента закрыта, - подытожил кадровик, так и не перестав облизываться. - Могу предложить только позицию младшего редактора.

Ниже этой позиции в большом коллективе из двухсот человек не было ничего. В обязанности ее обладателя входила литературная обработка длинейших и скучнейших текстов об отдельных нюансах бухгалтерского учета и налогообложения. Подобное назначение было для Вадима откровенным, образцово-показательным унижением, избежать которого не осталось ни малейшего шанса. На экстренно разосланное им резюме не отреагировали ни в одном приличном офисе, а друг Иннокентий пообещал перезвонить не позже, чем вчера, и пропал. «Есть один очень интересный вариант», - многозначительно обронил он перед этим, наотрез отказавшись сообщить подробности. Вадим набрал его в одиннадцать вечера, но абонент был вне зоны доступа.

Сейчас, сидя на «Алексеевской», Вадим достал смартфон и снова проверил, доставлено ли вечернее сообщение. Рядом с именем «Кеша» по-прежнему стояла одна серая галочка.

- Эх, дружочек-пирожочек, - пробормотал он.

Рядом на лавке расположилась пара с большим дорожным чемоданом на колесиках: молодой человек лет двадцати пяти или двадцати семи и девушка – пожалуй, его ровесница. Внешность у молодого человека была прямо киношная, чем-то напоминавшая Леонардо Ди Каприо на заре его голливудской карьеры. Девушка сидела спиной к Вадиму, и вместо лица он видел ее волнистые светлые волосы до плеч. Шум метро не позволял толком разобрать, о чем они говорят. Два долетевших до него слова «социальный статус» заставили Вадима вздрогнуть.

Это произошло здесь же, в конце зала, позапрошлым летом. Другую девушку звали Викой, и она была настоящим аналитиком – не со страниц малотиражного журнала, а из департамента мэрии. Вадим познакомился с ней через модную социальную сеть, назначив первое свидание у колоннады парка Горького. Ростом почти с него, стройная и спортивная, с короткой стрижкой, она явилась в длинном платье, которое не столько скрывало, сколько подчеркивало достоинства ее фигуры. Общение вживую завязалось легко, будто они знали друг друга уже массу времени. Версия насчет занятий спортом быстро подтвердилась.

- Я с шести лет на горных лыжах катаюсь, - сказал Вика.

- На Кавказе? - спросил Вадим.

- Нет, в Австрии, - запросто ответила она.

Вадим уже полтора десятка лет не становился на лыжи и никогда не посещал Австрию, а его загранпоездки ограничились Турцией и Грецией, но у них и без того обнаружилось много общих тем. Выяснилось, что Вика хотела поступать на факультет журналистики МГУ и чуть ли не в последний момент приняла другое решение под влиянием родителей. Выбрать более основательную, по его определению, профессию ей посоветовал отец, ведущий акционер и топ-менеджер нефтеперерабатывающего завода в Тюменской области. Ужиная с Вадимом на веранде ресторана с видом на Москву-реку и Фрунзенскую набережную, Вика обмолвилась об этом так же непринужденно, как о своих вояжах в Альпы.

Он почти потерял голову от нее. Второе свидание состоялось на следующий день после первого. На этот раз они гуляли по ВДНХ, ели мороженое, вспоминали учебу и всякие забавные случаи из жизни, Вадим с увлечением фотографировал Вику возле фонтана «Дружба наро-

дов». Поздно вечером она довезла его до дома на своем черном BMW, и Вадим, прощаясь, поцеловал ее в щеку. Вике надо было возвращаться в Фили, где в новом, только что сданном жилом комплексе у девушки была собственная квартира. Он задержал ее руку в своей, и возникло ощущение, что Вика не против остаться. В тот миг он внезапно подумал о своей съемной однушке с крошечной кухней и мебелью из гарнитуров разных эпох, а еще почему-то о хозяйской люстре. Этот предмет с пожелтевшим от старости плафоном висел так низко, что Вадим регулярно стучался о него лбом.

В третий и последний раз они встретились только через неделю: у обоих грянул аврал на работе. Вика приехала на метро, отдав машину в сервис, и прогулка завершилась на «Алексеевской». Прежде они прошли, болтая, мимо его дома на Большой Марьинской. Вадим долго думал, как ему поступить. Наконец внизу, в зале станции, он пригласил девушку присесть. Откашлялся, зачем-то сделал вращательное движение головой.

- Понимаешь, у нас с тобой разный социальный статус, - брякнул он без прелюдии, чтобы не тянуть.

- Что? - не поняла Вика.

- Ну, тебе кто-нибудь другой нужен, более значительный.

Она взглянула на Вадима так, что он едва не пожалел о своих словах.

- Ты себе хорошего найдешь, перспективного, - добавил он, отводя глаза и вставая с лавки.

- Главное, что сам человек думает о себе, - услышал Вадим, сделав шаг в сторону выхода, но не остановился и не оглянулся...

Воспоминания прервало сообщение от Кешы.

«Сегодня в 12.30 приходи с трудовой. Ждут».

У Вадима часто заколотилось сердце.

«Куда?» - набрал он дрожащим пальцем.

«На Охотный, 1».

«Там кто?»

«Глухов, депутат Госдумы».

«Кем?»

«Пресс-секретарем».

«А что по деньгам?»

«В два раза больше, чем в газете. Я за тебя ручался».

«Я Глухова не знаю», - написал Вадим, чувствуя, как его наполняет дикая радость, как тянет вскочить и пуститься в пляс посреди толпы.

«Вот и узнаешь», - логично ответил Иннокентий.

Ольга поняла всё, едва Игорь начал говорить. Глупо было надеяться на что-то иное. Выборы прошли, карета превратилась в тыкву. Он из водителя закрывшегося вчера избирательного штаба стал безработным на взятой в кредит KIA, живущим к тому же с мамой-пенсионеркой в тесной двушке. Обратный путь лежал туда же, откуда Игоря взяли по объявлению: в таксисты. Для нее, вчерашнего автора агитационных текстов и спичей, с которыми выступал народный избранник, московский проект длиной в полгода тоже подкатил к финишу.

Она, как и ее кратковременный спутник, возвращалась в исходное положение: подхалтуривать случайной писаниной, не особенно шикавать и терпеливо ждать очередного выезда на кампанию. Ольга очень-очень уповала на то, что в следующем году нынешний работодатель, маститый политехнолог со стажем, вспомнит о ней и снова куда-нибудь позовет. Всё равно куда, хоть в Сибирь или на Камчатку. В сезон без федеральных выборов и множества заказчиков человеку ее профессии привередничать не рекомендовалось.

Роман с Игорем был случайным и скоротечным. Всё завертелось, когда он отвозил Ольгу в типографию, где ей предстояло забрать пробный экземпляр буклета с рассказом о депутатских достоинствах. Игорь галантно распахнул перед ней дверцу и, будто по наитию, сразу настроил приемник на ее любимую со студенческих лет группу. Они абсолютно синхронно улыбнулись друг другу, чтобы тем же вечером отправиться в кинотеатр, на последний сеанс, а оттуда к ней в гости. Ольге было легко с Игорем: он не задавал лишних вопросов, водил в непринужденной манере, будто одной левой, и жил в целом так же. Чего еще желать после вечной штабной нервотрепки? Их любимым местом для автомобильных прогулок быстро сделались Воробьевы горы, откуда открывалась потрясающая перспектива сиявшей огнями Москвы.

Сегодня настала пора подвести итоги. Победив на выборах, заказчик дал технологу от ворот поворот. Хотя в штабе упорно носился слух, что Ольгу оставят за ее острый ум и журналистские способности, а то и сделают депутатским пресс-секретарем на окладе, выигравшую команду, которая состояла из иногородних специалистов, проводили восвояси. В принципе это была обычная практика. Родители уже позвонили Ольге и выразили надежду на то, что она бросит свои странствия с непонятными людьми, остепенится и выйдет замуж. Приводили в пример подруг и старшую сестру, которая ждала двойню.

- Ты давай, заходи, если в Москве будешь. Не стесняйся - фальшиво пробормотал Игорь.

И откуда он выкопал эту фразу про социальный статус? Уж точно не из книжек, которых после окончания школы вообще не читал. Наверное, услышал по радио, наткнувшись на чье-то интервью.

Она промолчала в ответ и смотрела ему в спину, пока эскалатор не увез его навсегда. Слезы сами полились из глаз, и рука не поднималась сделать хоть что-то. Игорь предлагал подбросить ее с багажом до вокзала, но Ольга отказалась. Времени в любом случае оставался целый вагон: покинуть теплую и уютную квартиру на Новоалексеевской улице, за полгода ставшую для нее такой привычной, пришлось рано утром из-за хозяйки. Той отчего-то было недосуг подождать до обеда, чтобы проверить сохранность имущества и вернуть залог.

- Зачем вы плачете? Не надо, - раздался чей-то голос.

Мужчина с виду лет тридцати пяти или чуть постарше, рослый брюнет довольно рядовой наружности с аккуратной щетиной на лице, участливо наклонился к ней. Кажется, он сидел рядом, пока они с Игорем прощались. Или не он?

- Всё пройдет, - через силу произнесла Ольга.

Глаза мужчины светились счастьем.

- Давайте познакомимся, - сказал он. - Я Вадим.

- Давайте потом.

- Нет, не возражайте! У меня праздник, и я не хочу праздновать один.

Ольга бумажной салфеткой вытерла слезы.

- Праздник прямо с утра?

- Я только что получил сообщение, которое изменит мою жизнь, - с воодушевлением объявил Вадим.

- Личное?

Улыбка ей не удалась, вышла какая-то гримаса.

- Скорее служебное. Да я вам всё расскажу. Пойдемте, тут рядом с метро есть милое заведение, оно уже открыто, - Вадим решительно взялся за выдвижную ручку ее чемодана.

«А, собственно, почему нет? - вдруг подумала Ольга. - И чёрт с ним, этим депутатом Глуховым и его новой командой, и на саратовский поезд я успеваю».

- Ольга. Можно просто Оля.

Под сводами станции снова раздался голос дежурной:

- Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора...

Воин света

Блогер Чушкин откинулся в необъятном кресле на колесиках и удовлетворенно покивал сам себе. Пост вышел на славу. В одном абзаце длиной в полтора листа прежней машинписи он доказал, что дыру в обшивке орбитальной станции провертели американцы. Правда, его приятель Пылесосов, выпускник политеха, а ныне индивидуальный предприниматель, усомнился, что подобное возможно в открытом космосе. Однако блогер отступать не привык.

- Ты, брат, в политике ничего не смыслишь, - пробормотал он и проигнорировал совет приятеля не влезать в сложную тему.

Чушкин писал обо всём. Этому его обучили на факультете изящной словесности еще в ту пору, когда любой работник пера считался подручным партии. Основным рецензентом тогда были органы госбезопасности.

С началом перестройки Чушкин мигом сменил генеральную линию. Правда, в успешные публицисты из-за нехватки способностей не выбился, поэтому бегал на митинги за демократию и гласность. К его досаде, хлебные должности с депутатскими мандатами достались более ловким коллегам. Капиталов Чушкин тоже не нажил, ибо дар бизнесмена в нем начисто отсутствовал. Поэтому после краха социализма он стал завсегдаем уже других митингов – под красным флагом.

На информационной арене его не было видно и слышно, пока не стало общедоступным дьявольское изобретение ЦРУ в виде Интернета. Оказалось, писать можно что угодно, не оглядываясь на рецензентов. И Чушкин набросился на капитализм, как лев на антилопу.

- Ты того, аккуратнее был бы, что ли, - периодически говаривал ему Пылесосов, но блогер только распался.

Для украшения персональной страницы (от заграничного слова «аккаунт» его передергивало) Чушкин подобрал изображение богатыря в древнерусском шлеме. Герой с бородой мужественно вглядывался в зарево пожарищ.

От этой картинки Чушкин млел. Псевдоним он себе придумал соответствующий – Светлозар. Впрочем, с героем его роднила только борода. У Чушкина она даже была длиннее, и в ней регулярно застревали остатки пищи.

Питаться блогеру приходилось часто, для поддержания массы тела. При власти эксплуататоров он раздался так, что с трудом пролезал в дверь. Раз в неделю посещая торговый центр, Чушкин набирал полную телегу пивных банок и закусок. Пыхтя, он толкал ее к выходу, где дежурили охранники-церберы, и мысленно цедил:

- Устроились тут, сволочи...

Со временем блогер вообще перестал выбираться куда-либо, кроме как за едой и бодрящим напитком. Уборку в квартире он производил дважды в год, при смене сезонов, притом довольно поверхностную. Так что жилище Чушкина быстро стало походить на берлогу неандертальца.

Чушкину было некогда отвлекаться на мелочи. Он бился за возвращение самого передового строя.

- Всех на чистую воду выведу! Всех! - клялся он в монитор.

Жил Чушкин, получая пособие по состоянию здоровья, которое исхлопотал через знакомых. Кроме того, сдавал в аренду квартиру, доставшуюся ему по наследству. В налоговую инспекцию об этом доходе он не заявлял. Жены и детей, подрывающих бюджет, у Чушкина не было.

Отвлекаясь лишь затем, чтобы отхлебнуть пива и смахнуть крошки с бороды, блогер строчил и строчил. Есть он наловчился в процессе писания. Клавиатура от липких пальцев скоро сделалась неприятной на ощупь, но чего не стерпишь ради классовой борьбы?

Главным номером программы Чушкина был поиск наглядных подтверждений превосходства социализма над капитализмом, а также патриотизма над либерализмом. Большим торжеством для него становилось размещение у себя на странице черно-белого фото с надписью «А мороженое было по 10 копеек!» или «Вот сколько коробков спичек мог купить на свою зарплату советский рабочий». Отгружая подобные произведения в Сеть, Чушкин хлопал в ладоши и вскрикивал:

- Получи! Получи!

Уверенно судил Чушкин и о вопросах внешней политики. Корейский полуостров и Ближний Восток, Венесуэла и Сирия, а тем более Украина были предметом его постоянных комментариев. Приближаясь к пенсионному возрасту, блогер ни разу не побывал за рубежом, даже в турецком отеле. Это не мешало ему выносить оценки и сыпать прогнозами.

Прогнозы обычно не сбывались. Империализм стоял и не являл признаков краха. Здоровые силы в лице Каддафи-младшего, а также Мадуро, «Хамас» и Ким Чен Ына топтались на месте. И как личную трагедию воспринимал Чушкин невзятие Киева силами шахтеров и трактористов Донбасса.

- На гусеницы, на гусеницы всех намотать! Танками, танками давить! - давал он экспертные советы.

При этом Чушкин был очень набожен. Уверовав после перестройки во Христа, он крестился и теперь витиевато поздравлял своих подписчиков со всеми церковными праздниками. Из того же контингента блогер сколотил тематическую группу, где так же безапелляционно касался проблем городской жизни.

- Хоть сюда бы не лез, а? - пытался образумить его Пылесосов.

Берлогу Чушкина он давненько не посещал по причине врожденной брезгливости. Приятели продолжали общаться по телефону и путём переписки.

От пожеланий блогер только отмахивался, уже оседлав тему общественного транспорта, а именно прокладки легкого метро взамен почившего трамвая. Она действительно разожгла живую дискуссию на просторах Интернета, и Чушкин спешил набрать очки.

Примерно так же, как слесарь-интеллигент из «Двенадцати стульев», он использовал малейший повод, чтобы высказаться. Сразу переходя на «ты», Чушкин давал понять, что все еще пешком под стол ходили, когда с его мнением считались отцы города и области.

Отцы разных лет Чушкина припомнить не могли, как ни старались. Поэтому суждения новоявленного эксперта вызывали насмешки, от которых блогер натурально бесился. В ярости он кидался давать отпор, брызгал слюной на дисплей и клеил оппонентам ярлык погубителей сладкой советской действительности.

Возраст и социальный статус противников Чушкин во внимание не принимал, от чего комический эффект его выступлений лишь возрастал. Но блогер был уверен, что занят важной и нужной миссией.

Так и сегодня, перед тем как разоблачить происки США в безвоздушном пространстве, он родил девять комментариев подряд, посвященных одному лицу. Лицо осмелилось непочтительно отозваться о его требованиях к мэрии утроить протяженность будущего метрополитена.

«Перестаньте ерунду молоть», - лаконично ответили Чушкину, и блогер завелся.

Уже излив свой праведный гнев, он где-то в глубине души ощутил, что перегнул палку. Но пока переключался на геополитику, забыл о содеянном. Как выяснилось, напрасно.

«Я тебя знаю, Светлозар. Ты Чушкин», - пришел ответный комментарий, и патриотический блогер похолодел.

«Живешь на Третьей улице Сантехников, дом пять, квартира сорок семь. Второй подъезд», - неумолимо продолжал оппонент.

Чушкин едва не поперхнулся и перестал жевать.

«Как узнал? Откуда? Не может быть!» - у него часто заколотилось сердце. Неужели, правда, ЦРУ или АНБ? Неужели мы все под колпаком?

«Фотки свои убирать надо», - с издевкой пояснил пишущий.

И тут Чушкин вспомнил... Только-только обзаведясь, прости Господи, аккаунтом, он по неосторожности выложил в альбом старое-престарое фото. Сходство с сегодняшним Чушкиным там было минимальное. Достаточно сказать, что весил он в минувшую эпоху почти на центнер меньше. Видимо, вычищая потом всё лишнее, могущее идентифицировать его личность, блогер недоглядел.

«Готовься. Приду и рыло пощупаю», - добавил критик его творчества и вышел из режима онлайн.

Чушкин облился потом. Схватился за клавиатуру, начал удалять свои многочисленные комментарии. Затем опомнился, активировал функцию «Служба поддержки».

- Скорее, скорее давай! - торопил он не слишком поворотливый компьютер.

«Хотите подать жалобу?» - спросил администратор американской социальной сети.

«Да», - ответил Чушкин.

«Выберите один или несколько пунктов, чтобы мы могли принять меры».

На всякий случай Чушкин поставил несколько галочек. Своего виртуального оппонента он обвинил в отсутствии толерантности, подчеркивании физических или умственных изъянов и разжигании национальной розни.

«Жалоба принята. Идет проверка».

Пока за океаном реагировали, Чушкин с кряхтением выбрался из кресла и неожиданно проворно подбежал к входной двери. Проверил замки, потрогал засов. От этих усилий он совершенно выдохся и опустился на полку для обуви в прихожей. Полка опасно закрипела. Пришлось встать и прислониться к стене.

«Может, заблокируют его. Если повезет, то на месяц, - подумал Чушкин. - Всё-таки у них дело хорошо поставлено».

Оставалось позвонить в полицию своего буржуазного государства, дабы она спасла его от реальных побоев.

Лицемеры

Писатель Квартальный понял, что у него паранойя. Или что-то вроде этого. Он абсолютно перестал верить отзывам о своем творчестве.

Отзывов было не слишком много, но и не так чтобы совсем мало. В основном их оставляли его друзья и знакомые.

Книжки писателя выходили в электронном виде. До бумажных версий дело пока ни разу не доходило. Квартальный, впрочем, сперва не впадал в уныние.

- Так бывает с каждым, - уверял его, исходя из богатого опыта, литературный агент Грызунов.

- Так уж и с каждым? - отвечал писатель.

Ни в каких союзах Квартальный не состоял, творил сам по себе.

- Временные трудности – обязательный этап. Когда продвинем твои произведения, отбоя от издателей не будет.

На эти слова агента писатель реагировал скептической ухмылкой. Ему казалось, что издателям вполне хватает бестселлеров Стивена Кинга и Джоан Роулинг.

Тем не менее, Квартальный упорно продолжал сочинять. Он был далек от сравнений себя с Кингом, однако до поры до времени считал, что и его сюжеты достаточно захватывающи, а уровень исполнения весьма недурен.

Такую убежденность в нем поколебали именно друзья со знакомыми. Они не ругали произведения Квартального – как раз наоборот, хвалили и стиль, и слог, и то, как выстроена интрига, как жизненны герои. В один прекрасный день он понял всю фальшь подобных заявлений.

- Нет, ребята, меня не проведете, - бормотал Квартальный, читая очередной положительный отзыв.

Он твердо уверился в том, что его писанину способны адекватно оценить только профессионалы, обитающие в издательствах и толстых литературных журналах. А какие профессионалы из лично знающих его людей?

- Расстраивать меня не хотите, понимаю. Добрые вы, - приговаривал Квартальный. - Люблю, цену.

Для пущего вдохновения писатель предпринимал прогулки в близлежащий лесок. Его путь пролегал мимо заброшенного строительного забора из бетонных плит. На одной из них кто-то, видимо, из числа празднично шатающихся подростков намалевал без знаков препинания краткую надпись: «Катя лицемерка».

Определение показалось Квартальному идеально подходящим для его ситуации. Лицемерия он на дух не выносил.

- Ты потерпи немного. Не сразу Москва строилась, - убеждал Грызунов.

Деньги он взял с писателя совсем пустяковые, сказав, что рассчитывает на процент с договора о публикации. Только заключать договор на бумажную книгу с Квартальным по-прежнему никто не спешил.

- Лицемеры... Лицемеры... - повторял писатель, шагая от дома к лесочку и обратно.

Заброшенный забор как бы подтверждал его правоту.

- Может, хватит себя изводить? - спрашивала жена.

В талант Квартального она не верила, а он не давал ей читать написанное. Мир в семье от этого, правда, не страдал. На высказывания супруги о том, что надо писать, как Толстой с Достоевским, или не писать вовсе, Квартальный возражал, что и во времена классиков хватало достойных авторов.

- Кто-нибудь их помнит? - интересовалась жена.
- Современники ценили, - аргументировал писатель.
- Ах, современники...

Постепенно количественные изменения перешли в качественные. Квартальный утратил покой, стал нервным и раздражительным. Дома за ужином он ни с того, ни с сего наорал на сына, затем послал к чёрту Грызунова, который позвонил насчет продления агентского контракта, и даже шуганул кошку, взобравшуюся на микроволновку.

- Все врут, никто правды в лицо не скажет, - говорил он вслух, отмеряя привычные десять тысяч шагов по лесным тропинкам.

В обстановке тотального лицемерия жизнь превратилась в ад. Квартальный забросил очередную захватывающую повесть, не доделав ее до середины, и тупо валялся на диване. На отсутствие аппетита он обычно не жаловался, но тут ощутил натуральное отвращение к еде.

- Может, к психологу ходим? - предложила жена.
- Зачем нам психолог? Я что, чокнутый? - вопросом на вопрос ответил Квартальный.

Идея с консультацией у специалиста была похоронена. Писатель начал понемногу прикладываться к бутылке коньяка, которую держали для гостей.

Перспектива просматривалась совсем скверная. И тут Квартальный получил письмо от старинного друга, много лет назад осевшего за рубежом и преподававшего изящную словесность в одном из европейских вузов.

Оказалось, что друг следит за его творчеством. Раньше он молчал, как человек деликатный, а тут всё же не утерпел – решил по собственному почину выступить с рецензией.

«Прости, старик, истина мне дороже, - читал Квартальный в смартфоне. - Изучил твою последнюю повестушку. Картина печальная. Где ты выкопал такие характеры? Откуда такой язык? А вся история, якобы взятая из реальной жизни? Слабенький, притянутый за уши вымысел. Не то завещали нам светила отечественной словесности! Пример с Толстым и Достоевским, конечно, очень хрестоматийный, но я рискну привести его. Вот у кого следует учиться...»

Квартальный поймал себя на том, что улыбается от счастья.

- Друг... Настоящий друг. И в радости, и в горе, - сказал он, перечитав послание. - Один среди лицемеров!

Рецензия вернула его к жизни. Писатель встал с дивана и перестал прикладываться к бутылке. Перезвонил Грызунову, извинился и поблагодарил за проделанную работу. О продлении контракта обещал подумать.

Новая повесть быстро бежала к концу. В перерывах между написанием Квартальный бодро ходил по привычному маршруту, хитро подмигивая надписи на заборе.

Сомнений больше не осталось. Все его книжки – сплошная чепуха, но это еще не повод бросать начатое.

- Мне до пенсии далеко. Буду продолжать, авось повезет, - сделал вывод автор, не состоявший в союзах.

Для себя он твердо решил не беспокоить издательства с журналами по меньшей мере лет пять. За это время он наделся отшлифовать мастерство.

Больше Квартального радовалась только его жена. Отыскав через социальную сеть мужчину друга, именно она убедила его состряпать разгромный отзыв на книжку. Душевное здоровье супруга было ей ценнее любой литературы.

Руки прочь!

Левый хавбек Скорострелов попал в сложную жизненную ситуацию. Нет, очередной транс капнул на его карточку вовремя, и жена, эстрадная певица, мигом собравшись и накрывшись, выехала на шопинг по лучшим бутикам Москвы. Проблема была в другом. Какой-то гад слил в Интернет видео мужских забав, которым хавбек предавался в бане у приятеля.

В принципе ничего особенного Скорострелов не делал. Как говорится, время от времени все джентльмены делают это. Тем более, формально-юридически он ничего не нарушил. Однако это не уберегло прославленного футболиста от гневной реакции общества.

Общество отреагировало немедленно. В аккаунт к Скорострелову посыпались крайне эмоциональные комментарии. Спустя какой-то час там творился натуральный ад.

«В наше время такого не было!» - возмущался болельщик со стажем как у пенсионера-героя. «На немцах с испанцами отрываться надо!» - давал четкие указания фанат помоложе. «Что скажут дети?» - задалась вопросом одна из поклонниц хавбека, здесь же объявившая, что навеки отписывается от него.

Насчет детей Скорострелов был уверен, что нечто новое они для себя вряд ли откроют. Повторить содеянное с испанцами и немцами он тоже был не прочь, хотя до сих пор всё происходило с точностью до наоборот. Деду хавбек даже начал подробно отвечать, но потом бросил, проглядывая другие, еще более яростные отклики.

Друзья и коллеги Скорострелова, несомненно, изучали всю эту пургу в одно время с ним. Отзываться и вступаться за него, впрочем, не спешили. Данный факт особенно расстроил потерпевшего. Не удержавшись, он набрал номер правого хавбека Петухова, с которым раньше играл за один клуб.

- Видел? - спросил Скорострелов.

- Да уж... - глубокомысленно ответил Петухов.

- Чего молчишь? Написал бы свое мнение.

Повисла долгая пауза.

- У меня вторая линия. Перезвоню. Ок? - отреагировал наконец Петухов и убрался из эфира.

Голкипер Прыгунов находился, по его словам, на процедурах в барбершопе, и говорить ему было неудобно. А двухметровый центрфорвард Тянитолкаев прислал смс, известив, что участвует в съемках рекламного ролика.

Слово «съемки» ранило теперь хавбека, будто острый нож. Он посмотрел статистику: счет комментариям в аккаунте повалил на тысячи. Скорострелов глубоко вздохнул и удалился из социальной сети.

Чтобы отвлечься, он включил телевизор. Самый народный канал показывал ток-шоу «В нашем ведре». Его ведущий ходил по студии с помойным ведром и вынимал оттуда бумажки с темами.

- А вот сейчас... внимание... новая тема! - взвыл шоумен так, будто его кастрировали без наркоза. - Что действительно делал в бане футболист Скорострелов?

В глазах у хавбека потемнело.

- Мы связались с бывшей невестой Скорострелова, которая живет в поселке Забытом на севере Хабаровского края, - продолжал ведущий с ведром.

Скорострелов нажал красную кнопку на пульте. «Может, не увидит всё-таки», - подумал он о своей жене, вообще не смотревшей телевизор. «Подруги подскажут», - неумолимо возразил внутренний голос.

Телефон завибрировал, и левый хавбек поспешно схватил трубку. Звонил главный тренер сборной. Ей в следующее воскресенье предстоял проверочный матч с командой Лихтен-

штейна. От определения «товарищеский» руководство отказалось как от демотивирующего и расхолаживающего.

«Это же провокация. Так и скажу», - решил Скорострелов, но наставник национальной команды опередил его.

- Отдохни, подлечи нервишки. Понял? Вместо тебя вызываем Дровосекова, - сообщил он.

- Как... - поперхнулся хавбек.

- Займись самоподготовкой, - отрезал главный.

Вернувшаяся с покупками супруга застала Скорострелова на кухне. Еще одним ударом для титулованного игрока стал звонок от только что созданного общественного движения «Руки прочь!» Оно уже подало заявку на проведение массовой акции возле Кремля. Его участники, а вернее, участницы, рвались отстаивать право заниматься чем угодно в банях и саунах.

- Вы оплатите изготовление плакатов и аренду звуковой установки? - деловито спросила общественница.

Ни слова ни говоря, Скорострелов отключил телефон.

- Нарушаешь? - поинтересовалась жена при виде початой бутылки виски.

Потерпевший поднял на нее глаза, полные вселенской тоски. Он уже наизусть выучил первую фразу, с которой следовало начать трудное объяснение, но она застряла в горле.

- Плюнь ты на этих клоунов, - неожиданно мягко сказала его вторая половина. - Плесни-ка и мне рюмку.

Скорострелов ушам не верил.

- Надо же платье обмыть, чтобы носилось, - пояснила жена.

Домик золотой рыбки

Сказка для взрослых

- Уверен, что вы придете, - сказал загадочный человек, и Егор ясно ощутил, что так и будет.

Он думал об увиденном и услышанном всё время, пока шагал до остановки, ехал в маршрутке, а потом снова шел пешком. Яна позвонила на мобильный метров за сто до подъезда, чтобы напомнить про хлеб и батон. «Да, хорошо», - рассеянно ответил Егор, поворачивая обратно к киоску.

В средние века или раньше это, конечно, назвали бы чудом. Сегодня весь мир, с точки зрения тогдашнего человека – одно сплошное чудо. Наверное, можно было потребовать подробных объяснений, строго научных аргументов, но со своим гуманитарным образованием он вряд ли понял бы их. По большому счету, оставалось верить или не верить – так же, как пятьсот или тысячу лет назад.

Среди застройки начала семидесятых одноэтажный домик из бурого кирпича, с печной трубой над зеленой треугольной крышей, и во времена детства Егора мог считаться памятником старины. Он притулился к липовой аллее, которая вела в сторону гастронома с высоким крыльцом. В гастроном Егор еще до школы бегал за мелкими покупками, и в те годы у входной двери домика, где не было никакого крыльца, висела вывеска «Ателье».

Внутри чинили обувь, продавали шнурки, вшивали молнии и делали фотокарточки на разные случаи жизни. Там у Егора была первая в жизни съемка, которую он помнил необычайно четко. Сниматься его привела мама – то ли очень поздней осенью, то ли зимой. На улице вдруг установился лютый холод, вдобавок дул резкий, пронизывающий ветер. Мама укутала сына в шубку ниже колен, обмотала вязаным шарфиком и напялила ему на голову плотную шерстяную шапочку с помпоном и завязками. Из того, что осталось торчать наружу, выделялись только пухлые, румяные щеки.

- Какая девочка симпатичная, - оценил мамины труды фотограф, пожилой мужчина с морщинистым лицом, на котором белели длинные обвислые усы.

Егорке мигом стало душно в натопленном помещении с толстыми стенами, и от таких слов его дополнительно бросило в жар. Он уже начал ходить в детский сад, где у девочек были свои игры, а у ребят свои. Разница полов сказывалась на их содержании: одни возились с куклами, другие – с солдатиками.

- У нас мальчик, - поправила мама, разматывая шарфик.

- Прошу прощения.

Пока мама снимала с Егора шапочку и шубку, торопливо причесывала его, фотограф отрегулировал треногу, на которой стояло орудие труда. Духота отступила. Чуть освоившись, Егор принялся с любопытством разглядывать студию. Кроме аппарата со стеклянным зрачком объектива, его внимание привлек круглый аквариум на высоком столике. Столик с аквариумом располагался на фоне стены, которая была разрисована ярко-алыми и синими цветами, заменяя собой декорацию. В воде плавала настоящая золотая рыбка, отчего у малыша ёкнуло сердце.

Рыбка была сказочно хороша. Вся как будто из переливающегося драгоценного металла, подсвеченная электрической лампочкой, с ажурными плавниками и веерообразным хвостом, она покорила воображение. Он смотрел на нее широко распахнутыми глазами, не сходя с места, пока не услышал глуховатый голос седого мастера.

- Молодой человек, будьте любезны.

Для Егора была приготовлена специальная подставка, на которую его водрузили прямо в сапожках. С аппарата свисала черная ткань, и под нее шустро подлез фотограф. Мама, стоявшая рядом, приобняла сына за плечи. Но отвести глаза от рыбки было совершенно невозможно.

- Внимание! Сейчас отсюда вылетит птичка.

Лишь эти слова заставили Егора повернуть голову на камеру. Раздался сухой щелчок...

- Как родители себя чувствуют? - спросила Яна, забрав у него пакет с буханкой «Бородинского» и батоном.

- Более-менее, - отозвался Егор, снимая ботинки.

- Может, почаще приезжать надо?

- Может.

Вместе с женой он в последний раз навещал родителей три года назад, когда сильно занемог отец. Ее кандидатуру они откровенно не одобрили еще на стадии знакомства, однако Егор пренебрег их мнением. Сложившиеся затем отношения скорее напоминали вооруженный нейтралитет. Мама даже порой вспоминала его первую супругу, и сравнения были не в пользу второй. Яна никого ни с кем не сравнивала, вежливо, но настойчиво проводя свою линию. Сын ездил к бабушке и дедушке вдвоем с папой, а у нее всякий раз находились другие заботы. Попытка примирить обе стороны Егору не удалась, и он махнул на всё рукой по принципу «Лишь бы хуже не стало».

- Будешь есть?

- Спасибо, я перекусил, - ответил Егор.

- Ну, тогда Артёма дождемся и поужинаем, - Яна накинула на плечи куртку и удалилась на балкон – выкурить сигарету, пока не видит ребенок.

Ребенку в сентябре исполнилось тринадцать, и он учился во вторую смену. Яна выполняла свои задания, получаемые от издательства, на дому, а у Егора вчера начался отпуск. Так что семье выпала возможность подольше побыть под одной крышей.

Егор переодевался и мыл руки, продолжая размышлять и собирать воедино свои впечатления от визита. Точнее, от той его части, которая последовала за расставанием с родителями. Мэрия города изменила схему движения транспорта, и приехать в микрорайон теперь можно было по одной улице, а уехать из него – по другой, пролежавшей вдоль старой липовой аллеи. Остановку оборудовали рядом с бывшим гастрономом, где после капитальной реконструкции открылся сетевой супермаркет. По пути к ней Егор и замедлил шаг возле памятного ему домика.

Опустевший в начале девяностых, домик, как рассказывали местные жители, был кем-то приватизирован то ли под офис, то ли под склад, но у его хозяев что-то не сложилось. Простояв лет десять с заколоченными окнами и запертой железной дверью (единственным улучшением, которое внесли собственники), он приютил в своих кирпичных стенах распивочную, а потом игровые автоматы. Тотальная ликвидация игорного бизнеса привела к его новому закрытию. На смену вынужденному простоя чуть позже пришла овощная лавка, зачахшая незадолго до возвращения Егора из очередной командировки.

И вот домик снова ожил. Кто-то убрал с его фасада все следы присутствия лавки, отдраил от грязи и пыли кирпичи, сменил подоконники, покрасил металлический козырек над входом, а дверь обшил натуральным деревом. Сквозь новенькие белые жалюзи на окнах пробивался свет, около двери появилась аккуратная вывеска. «Ателье», - прочел Егор, и разом накатили воспоминания.

Возможно, это было глупо, но его потянуло войти и посмотреть, кто поселился тут. Естественно, он не ожидал увидеть седого фотографа – люди столько не живут, и всё же... Рука сама взялась за ручку. В глубине домика мелодично прозвенел колокольчик.

Предбанник без мебели, оклеенный обоями в полоску, вызвал у Егора ассоциацию с обыкновенной городской квартирой. Стрелка на стене указывала направо. Да, именно туда они с мамой свернули без малого полвека назад перед тем, как отворить вторую дверь, обитую дерматином. «Еще не поздно уйти», - подумал Егор, берясь за другую ручку.

В голове не сложилось никакой первой фразы для начала беседы, когда он переступил порог бывшей студии. Комната, как и тогда, была надвое разгорожена ширмой. За нею в тот раз помещался кабинет фотографа и отдельная каморка, где мастер светописы колдовал над пленками. О том, что она скрывает сейчас, Егор не успел подумать.

- Здравствуйте, - сказал человек у стены, которая давным-давно служила декорацией.

Стена была белой, в тон жалюзи на окне. От нарисованных цветов, разумеется, не осталось и следа. Зато столик стоял на том же месте, и такой же аквариум на нем, и золотая рыбка неподвижно висела в воде, едва уловимо шевеля хвостом.

За окном постепенно темнело. Егор полез в шкаф-купе, где наряду с одеждой и обувью хранился его старый, потертый на углах кофр от ноутбука, и вывалил его содержимое на диванчик в прихожей. Коричневый ежедневник с золотым тиснением на кожаной обложке отыскался быстро. То был подарок от приятеля, ковавшего прибыль в инвестиционной компании, – кажется, по случаю дня рождения. К нему прилагалась бутылка виски, которую они уговорили в один присест. После того как свободного места в нем больше не осталось, ежедневник стал частью архива. Егор берёт его, сам толком не зная, зачем. Сегодня он тоже увидел в этом своего рода перст судьбы.

- Потерял что-то?

Егор, не услышавший, как сзади мягко подобралась Яна, вздрогнул.

- Проверить одну фигню хочу, - вполне правдиво сказал он.

Яна коснулась богатой обложки.

- О, год нашего знакомства.

- Да, пятнадцать лет...

Впервые они встретились в компании общих друзей, в страшно модном в ту пору кафе «Коза-дереза». Визит туда не значился в планах Егора на вечер пятницы, но ситуацию изменил звонок Юли Павловой из рекламного агентства «Салют». С ней он общался со времен стажировки на телевидении. Воды потом утекло немало, обстоятельства развели их по конкурирующим организациям, и тем не менее товарищеские отношения продолжились. Под товарищескими не подразумевалось ничего личного, только периодический трёп на посторонние темы.

- Ты где? - сходу осведомилась Юля.

- Из офиса иду.

- Поворачивай к нам.

- Куда?

Она в двух словах объяснила, куда и зачем. Юля пила шампанское с двумя своими коллегами. А еще, по ее словам, с минуты на минуту в кафе должна была пожаловать девушка редкой красоты.

- Прямо-таки редкой? - съязвил Егор.

- Сам увидишь.

Яна действительно очаровала его с первого взгляда. Стройная брюнетка с голубыми глазами, шеголявшая в красном платье и черных ботфортах, оказалась также остроумной собеседницей. Она находилась в стадии развода с мужем и не скрывала, что не прочь познакомиться надолго – быть может, с серьезными намерениями. Детей у нее не было – правда, предстоял раздел имущества: судя по всему, не без скандала.

- Есть у меня ушлый адвокат, могу порекомендовать, - дал понять Егор, заказав еще шампанского и фруктовую закуску.

Будущая истица улыбнулась так, что сомневаться в общих перспективах не приходилось. Их предсвадебный роман был быстрым и бурным – гораздо быстрее, чем тот, который завершился первой женитьбой Егора. Дальнейшие годы, в общем, тоже не дали поводов для сожалений. Вернее, все дальнейшие, кроме последних двух. Егор впервые ощутил прохладу в отношениях после своего долгого, на три с лишним месяца, отъезда.

Дела позвали его в древний город на Волге и здорово задержали там вопреки первоначальному плану. Проведать папу Яна с Артёмом не смогли: на носу был учебный год. Вернувшись, Егор буквально с порога порадовал жену известием о том, что контракт с ним продлен.

- Опять укажишь? - не разделила его восторг Яна.

- Я ведь для нас стараюсь, - заметил он.

Приподнятое настроение тотчас улетучилось. Вместо ответа Яна только рукой махнула.

- Давай не будем с порога сцены устраивать.

Эту его просьбу она сопровождала недовольной гримасой и уклонилась от поцелуя. Егор сделал вид, что подобная реакция ему безразлична, однако еле справился с приступом горечи. Он так спешил домой, что взял билет на ранний утренний поезд из Москвы, с сидячими местами – хотя мог спокойно погулять по столице до обеда и отчалить на более удобном фирменном. Проезд ему в любом случае оплачивал наниматель.

Прохлада не исчезла сама собой. Их совместная жизнь после той командировки стала походить, скорее, на вежливое общение двух британских джентльменов. Из нее ушло былое доверие, при котором и слов почти не требуется – впрочем, со стороны могло показаться, что у Егора и Яны всё по-прежнему замечательно. В некоторые моменты ему чудилось: стоит нащупать нужную интонацию, и утраченная теплота вернется. Увы, это была иллюзия...

Андрей Выюнов, его друг со школьной скамьи, с которым Егор поделился своей печалью, имел особое мнение. «Прости, но у нее хахаль завелся. Сто пудов», - припечатал он. В версию Андрея верилось с трудом: Яна почти всё время работала дома, раз в неделю посещая планерки в издательстве, и, значит, практически постоянно оставалась у кого-нибудь на виду. Егор между выездами в другие города сидел на очень гибком графике, возвращаясь домой в разное время, а то и совсем никуда не выбираясь. Вести двойную жизнь в таких условиях жене было крайне сложно.

Когда Яна дотронулась до ежедневника, Егор вновь решил, что у них появляется шанс. Сказав про пятнадцать лет, он сознательно взял паузу, надеясь услышать продолжение вроде: «А давай начнем заново?» Вместо этого она кинула взгляд на настенные часы и совершенно ровным голосом, без эмоций, произнесла:

- Закругляйся с проверками. Тёма написал, что их с последнего урока отпустили.

Человек в студии не имел ничего общего с фотографом из детства. У него была осанка отнюдь не старого, полного сил мужчины без лишнего веса, высокий рост и гладко выбритое лицо. Нигде не просматривалось ни намек на седину, поскольку голову он также побрил до последнего волоска. Редкие брови неопределенного цвета топорщились над глубоко посаженными карими глазами. Прямой нос, тонкие губы, прижатые уши прямоугольной формы – этим, пожалуй, исчерпывался список примет. На незнакомце хорошо сидел современный темно-синий костюм с однотонной белой рубашкой без галстука, явно не из павильона вечных скидок. Туфли тоже были не с распродажи. «Всё-таки офис?» - мысленно предположил Егор.

- Вы зашли из-за вывески?

Голос у человека был уверенный, с легкой хрипотцой. Глаза не мигали.

- Э-э... Здравствуйте. В какой-то степени, - ответил Егор.

- Но не только поэтому?

- Знаете, любопытно стало. Вспоминать начал, ностальгия и всё такое.

«С какой стати я перед ним отчитываюсь? - Егор почувствовал раздражение. - Хоть представился бы».

Загадочный человек улыбнулся одними краями губ.

- Называйте меня Николаем Николаевичем, здесь мои владения.

- Зоомагазин?

Улыбка на лице Николая Николаевича сделалась чуть шире.

- Нет, экспериментальная площадка. Или лаборатория, если хотите.

Какие эксперименты можно проводить в скромном домике из бурого кирпича, Егор и представить себе не мог. Тем более, что в его поле зрения до сих пор не попало ни одного прибора. В той половине комнаты, где находился он с незнакомцем, был один столик с аквариумом. Даже стула или табуретки никто не принес. Может, за ширмой?

- Я вам всё расскажу и покажу, - продолжил Николай Николаевич, будто услышав его мысли.

Он говорил настолько веско и убедительно, что у Егора не возникло и тени желания развернуться и уйти. Наоборот, им овладела твердая уверенность в правоте странного владельца странной лаборатории. Егор никогда не подвергался воздействию гипноза, хотя читал о нем, и тут его посетило похожее ощущение. «Если я думаю, что это гипноз, на самом деле это не гипноз?» - успел предположить он, и Николай Николаевич заговорил снова.

- Только наука, ничего сверхъестественного, - предупредил он.

Суть заключалась в следующем. Оказывается, ученые, исследуя свойства материи, давно пришли к выводу, что теории об альтернативных мирах имеют под собой почву. В этих мирах действительно существуют наши двойники. Но события там могут течь не совсем как в мире, известном нам – а порой совсем иначе. Более того, наука нашла способ проникать в альтернативные миры, притом не затрачивая массу энергии. Перемещения возможны как между мирами, так и во времени. То есть, выбираете некую дату, пока только в прошлом, и – вперед, в другой мир, где обитает ваш двойник.

Одна часть сознания Егора, пока он слушал монолог Николая Николаевича, твердила, что это бред сумасшедшего. Другая почему-то была уверена в подлинности сообщаемой информации.

- А далеко в прошлое можно проникнуть? - спросил он.

- К сожалению, не слишком. Специалисты занимаются этой проблемой, - признался Николай Николаевич.

- Насколько? Секрет?

- Максимум на двадцать лет. Но вам, если соберетесь, я бы советовал немного опустить планку. Для надежности.

- Я? Соберусь?

Улыбка на лице загадочного человека растянулась до максимально возможной ширины.

- Конечно. Уверен, что вы придете.

Егор невольно взглянул на рыбку в аквариуме, и (он готов был поклясться) та подмигнула ему.

Планерка в издательстве начиналась в одиннадцать утра. Яна, как обычно, вызвала такси минут за сорок, чтобы успеть покурить и неформально поболтать с народом. Артём без энтузиазма отправился на дополнительные занятия по английскому, после которых его ждала школа. Он вел себя подчеркнуто самостоятельно и отвергал малейшую опеку. Сын, вообще, вырос неожиданно быстро. Егору всё чаще казалось, что за многочисленными разездами упущено что-то важное, происходившее с ребенком. Малыш перестал быть малышом, вдвоем с которым он так классно, с выражением, читал сказки и пересматривал мультфильмы из собственного

детства. Нынешние интересы Артёма лежали в сфере компьютерных игр, куда не было доступа никому, кроме узкого кружка его ровесников.

- Пока-пока, - Яна помахала мужу перед тем, как захлопнуть за собой дверь и спуститься к подъезду.

Егор тоже ограничился устным прощанием. Как только, по его расчетам, такси выехало со двора, он начал собираться в путь. Для перемещения между мирами не требовалось никакой спецодежды или особых предметов. По словам Николая Николаевича, в упрощенном виде процесс представлял собой ментальное копирование человеческого «я» и переброску оцифрованной копии в сознание двойника. На вопрос, что произойдет с двойником, загадочный экспериментатор ответил: «Он ничего не заметит. Просто, начиная с определенного момента, будет воспринимать всё и действовать в точности, как вы».

- Выходит, это буду не совсем я... в их мире? - уточнил Егор.

- Почему не вы? Телесная оболочка – не главное, сами понимаете. К тому же она будет идентична вашей.

- Хм...

- Что-то еще беспокоит?

Егора беспокоила участь оригинала, с которого будет снята копия, о чем он и высказался без затей.

- Оригиналу не стоит волноваться, - заверил Николай Николаевич. - В ходе эксперимента вы будете одновременно находиться и там, и тут. Я имею в виду ваше сознание.

- А куда денется моя ментальная копия потом?

- После вашего возвращения оттуда она превратится в единицу информации. Мы не собираемся хранить или как-то использовать ее. Дадим официальную расписку и сотрем с носителя. От будничного «сотрем» Егору на секунду стало не по себе.

- Но я буду помнить то, что произойдет с моим двойником? Внутри которого пересадят мое «я»?

- Конечно. Лично я даже не использовал бы слово «двойник». Это будете вы. Тоже вы.

Оставалось до конца прояснить тему безопасности в процессе путешествия в пространстве и времени.

- У нас было несколько несчастных случаев, - сказал Николай Николаевич. - Не с добровольцами, как вы. С сотрудниками.

- Они погибли?

- Нет.

- Пострадали физически... или как-то еще?

Золотая рыбка в аквариуме больше не висела неподвижно, она энергично плавала туда-сюда, взмахивая плавниками. Ее владелец впервые чуть ступешевался.

- Про несчастные случаи я не вполне верно сформулировал, - наконец ответил он. - Эти люди захотели остаться.

Егора будто пустым мешком огрели.

- Такое возможно?

- В принципе да. Есть контрольный срок, в течение которого необходимо вернуться. Один час по времени нашего мира.

- Я что-то не пойму. Разве там свое, другое время?

- Свое, - кивнул Николай Николаевич.

- И что стало с вашими сотрудниками? - спросил Егор чуть охрипшим голосом.

- Мы потеряли с ними связь. Вернее, с их копиями.

- Но оригиналы, с которых снимали копии...

- Оригиналы не помнят ничего, что касается эксперимента. Как отрезало. В остальном никаких отклонений, здоровье в норме.

Еще один вопрос напрашивался сам собой.

- То есть, где-то в альтернативных мирах продолжают жить их точные двойники со здешней памятью и сознанием? Они – и в то же время не совсем они?

Николай Николаевич усмехнулся. В его карих глазах проскочила мимолетная искра.

- Вам не кажется, что они в иных мирах – это в большей степени они по сравнению с теми, кто пережил эксперимент здесь?

- Переселение душ, - пробормотал Егор.

- Нетривиально! - одобрил Николай Николаевич. - Итак, что? Готовы?

После теплого офиса Егора сразу пробрало морозцем. Кожаную куртку пора было сменить на что-нибудь другое, по сезону. В этом мире на улице уже стемнело, зажглись фонари и огни реклам. По центральному проспекту медленно, то и дело замирая на светофорах, полз поток машин. Завершив трудовую неделю, все жаждали разойтись и разъехаться по домам или разнообразным заведениям. Им предстоял отдых, ему – эксперимент. Дорога назад не откроется, пока в голове не прозвучит сигнал...

- Я его точно услышу? - недоверчиво спросил Егор у Николая Николаевича.

- Точно. Ни с чем не спутаете, - успокоил тот.

Потом они зашли за ширму. Оборудование лаборатории внешне смахивало на обычный стационарный компьютер с громоздким, как чемодан, системным блоком. Рядом с ним на штативе стоял кинопроектор. Сходство было весьма отдаленным, но Егор снова вспомнил аппарат на треноге и старого фотографа. Николай Николаевич предложил прочесть и подписать согласие в двух экземплярах. «Как в аптеке, полный порядок», - пошутил он.

Завершив формальности, оба уселись в крутящиеся кресла. По просьбе Николая Николаевича Егор надел массивные наушники, от которых к системному блоку тянулся тонкий желтый кабель.

- Год, дату, время не хотите изменить? - последовал вопрос.

- Нет, - качнул головой Егор.

- Три попытки, как в сказке, - напомнил Николай Николаевич и начал ловко набирать на клавиатуре цифры с буквами.

Цель эксперимента он обозначил немного туманно: «Будем наблюдать за вами, за вашими реакциями. Ну, и за окружающей обстановкой». Введя данные, погасил свет в комнате и врубил проектор, нацеленный на белую стену. Сначала перед Егором замелькали какие-то полосы, как во время неполадок в летнем кинотеатре («Сапожник!» - вопила тогда публика). Потом картинка обрела четкость, и Егор увидел себя в офисе агентства массовых коммуникаций, где он был контент-менеджером пятнадцать лет назад. С ним о чем-то, приветливо улыбаясь, говорила Марина Якушева, шустрая болтушка и хохотушка, секретарь шефа. Еще спустя миг в наушниках проклюнулся звук.

- На природу поедешь, на шашлыки? - спрашивала Марина.

- Прохладно для поездок, по-другому греться надо, - отшучивался он.

- Расскажешь, как?

А дальше наушники и комната со всем ее содержимым исчезли куда-то. Егор почувствовал твердую поверхность стола под рукой, которой он опирался на его крышку, и пряный запах духов Марины. Вместо свитера на нем оказался вельветовый пиджак, вместо футболки рубашка, вместо джинсов – брюки. Егор машинально потрогал себя за лицо: стильной трехдневной щетины, к которой он привык за последние годы, не было и в помине.

- зуб болит? - Марина по-своему истолковала его жест.

- Так, башка мутная. Устал.

Через пару минут, посулив Марине увлекательный рассказ о предстоящих выходных («В понедельник с утра отчитаюсь»), он уже вдыхал морозный воздух улицы.

В кармане куртки запел мобильник – раскладная Nokia, которую он удачно взял весной 2004-го по акции в салоне связи напротив вещевого рынка. Еще не достав трубку и не посмотрев на дисплей, Егор точно знал, кто звонит.

- Ты где? - сходу осведомила Юля.
- Из офиса топаю.
- Поворачивай к нам.
- Куда?

Он слушал про «Козу-дерезу», шампанское и девушку редкой красоты, а сам будто глядел на себя со стороны, как на героя сериала или фантастической повести. Дослушав до конца, уверенно, с расстановкой, выдал:

- Если час потерпите, зайду. Очень важная встреча, - и дал отбой, не дожидаясь возражений.

Про встречу Егор не соврал. На тот ноябрьский вечер, когда он экспромтом познакомился с Яной, у него были заранее назначены два других свидания. Чтобы ничего не перепутать, он даже сделал записи на странице еженедельника. Это позволило ему спустя полтора десятка лет уточнить время. Тогда он понимал, что скорее всего одну из встреч придется отменить, но собирался действовать по обстоятельствам. Ровно в 18.15, потихоньку обвыкаясь в альтернативном мире, Егор подошел к еще не отремонтированному драмтеатру, дальнее крыло которого скрывали строительные леса. Возле закрытой кассы его ждала Наталья Лежнева.

- Я думала, ты меня на «Снегурочку» пригласишь, - игриво сказала она, постукивая каблучком об асфальт.

- «Снегурочка» – это опера, по-моему, - ответил он.
- Блин, бескультурье.

Они виделись не в первый раз. Сначала была беглая переписка на популярном в те годы сайте, который зывал всех и вся устраивать личную жизнь. Оба зависли на нем вечером после работы. Потом он запросто дал ей номер домашнего телефона, и она набрала его в половине двенадцатого, когда Егор собирался отойти ко сну.

- Жена не подслушивает? - лукаво спросила Наталья, поздоровавшись.
- Нету жены, распрощались навеки, - в тон ей отозвался он.
- Ой, обманываешь...

Милая беседа продолжилась следующим вечером в баре, где обычно тусовалось студенчество. Наталья легко могла сойти за одну из его постоянных посетительниц. В свои двадцать четыре она выглядела моложе некоторых студенток, хоть и не на сто процентов соответствовала эталону женской красоты в понимании Егора. Его обычно привлекали девушки более худощавой комплекции. При этом Наталью ни в коем случае нельзя было назвать толстушкой – просто ее округлости выходили за пределы, предпочитаемые им.

Приятную упругость этих округлостей он протестировал во время совместной прогулки после бара. Согласно терминологии одного знакомого депутата, имело место первое чтение законопроекта. Объятия в тени деревьев на краю сквера закончились жаркими поцелуями, от которых у Егора закружилась голова. Наталья очень умело орудовала языком, и он живо представил ее в иной, более комфортной обстановке. С трудом оторвавшись друг от друга, они условились продолжить в пятницу.

До повторного свидания новая подруга прислала ему целую серию смс чрезвычайно откровенного содержания. Они содержали подробное описание ее любимых поз, а, кроме того, речь шла о желании попробовать кое-что оригинальное.

- В бар или ресторан? - по-гусарски бросил Егор, не отходя от театральной кассы.
- Ты же близко живешь? - вопросом на вопрос ответила Наталья.

Ощущение времени он потерял очень скоро. В тридцать пять лет у человека гораздо больше сил, чем в пятьдесят, и Егор оценил это преимущество альтернативной реальности.

Наталья на самом деле оказалась охочей до плотских удовольствий и настаивала на продолжении до тех пор, пока они оба не распростерлись на кровати, будучи не в состоянии шевельнуть рукой или ногой. Свои телодвижения она сопровождала не только стонами и криками, но и словами, которые в иных условиях заставили бы Егора побагроветь.

- Я еще хочу, - сказал Егор, как только перевел дух.

- А сможешь? - Наталья тоже еле ворочала языком, которому в постели находила самое разнообразное применение.

- Я про вообще.

- В смысле?

- Перебирайся ко мне.

- Жить?

- Почему нет? Не понравится – разбежимся.

Наталья молчала так долго, что он решил, будто она уснула. Потом привалилась к нему своим горячим телом.

- С тобой супер, - сказала она и опять замолчала.

- Но?

В свои ментальные пятьдесят Егор многое понимал без лишних разговоров.

- Понимаешь, есть одна причина.

- Как зовут? Муж? Друг?

- Нет, другая.

Она начала несколько сбивчиво объяснять, и Егора сразу накрыла грусть. Ей с ним очень понравилось, правда. Мало с кем у нее так было. Просто нет пока серьезных намерений, да и вообще никаких особых нет. Ну, сама еще не разобралась, что ей нужно или кто. После пединститута не в школу же идти? Поэтому сейчас она менеджер по продажам. Телефоны, аксессуары, то-сё. Денег маловато, конечно, всё нестабильно, от выручки зависит. Погулять тоже охота в свое удовольствие. Когда, как не теперь?

Приблизительно так изложила свое кредо Наталья. Слушая ее, Егор с предельной ясностью понял, что его первая попытка не удалась. Он безусловно хотел чего-то большего, чем одно-два романтических свидания, но хотения одной из сторон было мало.

- Во вторник в Москву еду, - услышал он.

- Зачем?

- Там попробую зацепиться. Говорят, больше платят. И вообще, жизнь интереснее. У нас два нормальных клуба всего, - пояснила Наталья.

Снова повисла пауза. Егор потянулся к тумбочке, взял свои наручные часы. В падавшем из окна слабом свете окон соседнего дома еле разглядел циферблат: четверть двенадцатого.

- Полежи, я сейчас.

Запахнувшись в банный халат до пят и обув тапки, он прошлепал на кухню. Сделал несколько глотков прямо из чайника, стоявшего на плите. Затем в голове раздался мелодичный перезвон: точь-в-точь как от колокольчика в доме золотой рыбки – но не сейчас, а в глубоком детстве.

«Помните: у вас пять минут для выхода из помещения. Главное, чтобы не было четырех стен вокруг. Иначе контакт будет потерян, и ментальная копия навсегда перейдет к вашему двойнику», - наставлял его Николай Николаевич. Неужели пора? Действительно, в этом мире прошло гораздо больше часа. Интересно, ученые уже выяснили, почему?

Не переодеваясь, прямо в тапках на босу ногу, Егор повернул ручку двери и шагнул на балкон. «Собирался застеклить, да так и не собрался. Очень кстати», - успел подумать он, пока очертания дома напротив размывались, теряя четкость...

- Довольны?

Егор помотал головой, будто прогоняя остатки дурмана. Халат с тапками бесследно исчезли. На нем опять были футболка, свитер и джинсы с ботинками, лицо украшала трехдневная щетина. Тихо гудел системный блок компьютера, а выключенный проектор уже затих, остывая. Сзади была ширма, спереди – белая стена без малейших признаков изображения.

- Вы о результате?

- О процессе тоже, - бесстрастно присовокупил Николай Николаевич.

- Там, во сне... был я? - спросил Егор.

- Зачем во сне? Наяву.

Верно, на сон это было не похоже. Он определенно чувствовал, что две или три минуты назад обнимал настоящую, живую девушку, слышал ее дыхание, голос. Белая грива Натальи была так соблазнительно раскидана по подушке. И эта цепочка на шее – она ведь не надевала ее при первой встрече в баре. Дивный альтернативный мир...

- Хотели остаться?

- Простите, вас это не касается, - отрезал Егор.

Николай Николаевич деликатно улыбнулся одними губами.

- От двух других попыток не отказываетесь?

- Разве я могу?

- Естественно.

«Нет, брат, поздно метаться. Надо идти до упора». Егор зачем-то пригладил волосы, откашлялся, подтянул рукава свитера.

- Поехали дальше.

Юля Павлова с сомнением хмыкнула.

- Столько мы вряд ли высидим, шампанское кончится.

- Еще закажи, я компенсирую, - сказал Егор в трубку.

- Нравится мне твоя удаль молодецкая.

Пообещав Юле подгрести в «Козу-дерезу» к половине восьмого («Если срастется», - подстелил он соломки), Егор свернул с проспекта в переулок. Другое кафе называлось «Ешь-пей» и отличалось незамысловатым, но питательным меню. Его выбрала местом randevу еще одна Наталья. Фамилию потенциальной пассии только предстояло узнать. Пятнадцать лет назад в расписании Егора на вечер приоритетным вариантом значилась Лежнева, а эту соискательницу он поставил в резерв – на случай неявки главной кандидатуры.

Знакомство со второй Натальей случилось в режиме офлайн, без всякой подготовки. В четверг Егору позвонили из банка, где он брал и досрочно выплатил небольшой потребительский кредит. Ему сообщили, что в документы вкралась досадная ошибка: при окончательном расчете, по вине сотрудницы, была указана неверная сумма.

- Сколько я вам должен? - спросил он.

- Десять копеек.

- Издеваетесь? Внесите за меня.

- Что вы! - ужаснулась собеседница. - По инструкции не положено.

Егор едва удержался от крепкого русского словца. В обеденный перерыв, проклиная составителей таких инструкций, он потратил пять рублей на маршрутку и столько же минут на устранение казуса. Еще надеясь проглотить какой-нибудь пирожок с кофе, теперь уже точно бывший заемщик пулей вылетел на улицу.

Помеху слева он увидел слишком поздно и, предпринимая маневр, локтем выбил папку с бумагами из рук высокой рыжеволосой девушки в элегантном клетчатом пальто. Та громко ахнула и сразу присела на корточки – собирать рассыпавшиеся выписки, счета и прочую документацию.

- Ёлки-палки... Не сердитесь, пожалуйста. Я помогу!

Егор сноровисто присел рядом, успев оценить ее ноги в прозрачных чулках. Полы пальто разошлись, и короткая юбка задралась, выставляя напоказ пикантные подробности. Что касалось лица, то пострадавшая вряд ли могла претендовать на титул «Мисс Вселенная». Но в ее выступающих скулах и чувственных губах было что-то манящее.

- Глаза у вас на жопе, что ли, - буркнула девушка, не отрываясь от бумаг.

- Виноват, хочу исправиться, - Егор отвел глаза от чулок и применил свою самую обаятельную улыбку. - Вы за кредитом, наверное, бежали?

- Я похожа на идиотку?

- Тогда вы самый главный бухгалтер самого огромного завода.

- Такие остались?

- Сдаюсь, - Егор поднял обе руки. - Просветите, не бросайте.

- Давайте сюда, - девушка отобрала у него упавший лист.

- Меня Егором зовут, - сделал он решающий подкат.

- Наташа, - смягчилась она.

- А можно вам свидание назначить?

Окинув его долгим изучающим взглядом, как редкий музейный экспонат, Наталья, к удивлению Егора, утвердительно кивнула.

- Можно. На полседьмого завтра.

Обладательница идеальных ног произнесла это настолько повелительно, что дискуссия исключалась в принципе. «Кого хочешь построит», - мелькнула мысль и тоже подействовала возбуждающе.

В мире, где Егор принял приглашение Юли, ему не суждено было еще раз увидеться с этой Наташей. Он не стал перезванивать ей, как и Наталье Лежневой, и входящих звонков от них тоже не поступило. В сбывшейся реальности, сдав куртку в гардероб «Козы-дерезы», Егор нажал на красную кнопку телефона и включил его только после полуночи, вернувшись домой. От Лежневой прилетело два запоздалых смс: «Я у театра. Ты где?» и «Набери». Утром в субботу он ответил ей, что был вынужден срочно уехать с заказчиком. «Ок», - без претензий ответила она. Наталья-вторая после сорвавшегося свидания не написала ничего. Кстати, работала она в том самом банке, куда Егор привозил свои кровные десять копеек...

Ужин, принесенный официанткой, больше напоминал полноценный званый обед. Рыжая Наталья с таким пылом взялась поглощать его, будто не брала в рот ни крошки уже пять или шесть дней. Егор поймал себя на мысли, что она занимается этим весьма эротично.

«Ей лет двадцать семь или двадцать восемь, судя по внешности. Вряд ли больше, - про себя рассуждал он. - Вполне сознательный возраст. Должна уже напрыгаться по клубам». Провал первой попытки, предпринятой в альтернативной реальности, побуждал его действовать аккуратнее и для начала вытянуть из собеседницы максимум информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.